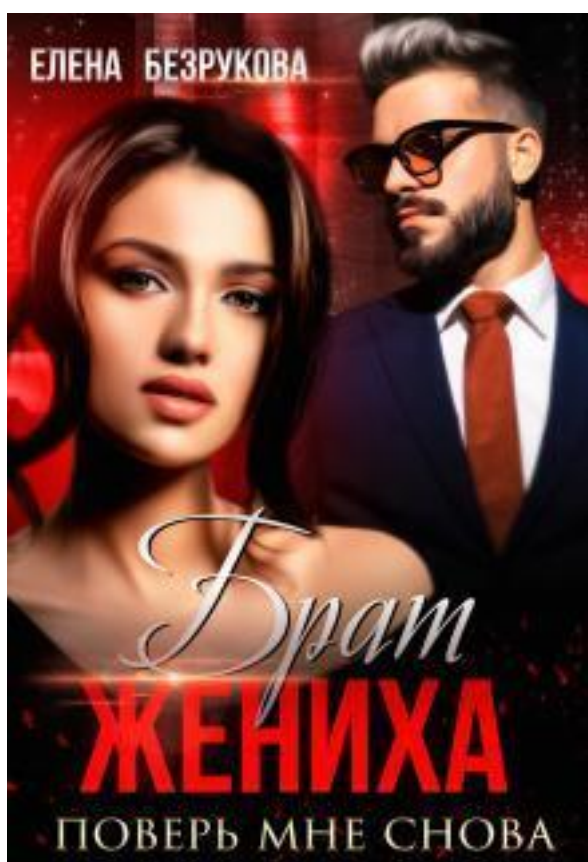

ЕЛЕНА БЕЗРУКОВА

Брат
ЖЕНИХА
ПОВЕРЬ МНЕ СНОВА

Елена Безрукова

Брат жениха. Поверь мне снова

«Литнет»

2021

Безрукова Е.

Брат жениха. Поверь мне снова / Е. Безрукова — «Литнет», 2021

— Не прикасайся. — Его глаза способны были убить, раздавить и уничтожить.
— Я так тебя любил... Сдохнуть за тебя готов был. А ты... — Марат, я прошу
тебя, дай мне сказать! Я не... — Молчи, — он оборвал меня, и я умолкла. —
Мне не нужны твои оправдания для дурака. Я сам всё видел. Мой адвокат
привезёт документы о разводе на подписание. Он небрежно бросил мою руку
и обошёл меня, устремившись к двери. — Я беременна. Марат остановился
как вкопанный. Медленно обернулся. Я встретила с холодными серыми
глазами, в которых читалось недоверие. — Что ты сказала? — спросил
он. — От тебя.*** Герои неидеальные! ХЭ.РЕБЕНОК ОТ ГРЕШНИКА -
НОВИНКАПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИБРАТ ЖЕНИХА. ОН ХОЧЕТ МЕНЯ

Содержание

ПРОЛОГ.	5
ГЛАВА 1.	6
ГЛАВА 2.	12
ГЛАВА 3.	16
ГЛАВА 4.	22
ГЛАВА 5.	31
ГЛАВА 6.	40
ГЛАВА 7.	45
ГЛАВА 8.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

ПРОЛОГ.

— Развод, — жёстко сказал он. — И даже можешь не мечтать, что дети с тобой останутся. Такая, как ты, не имеет права воспитывать моих детей.

Слёзы душили так, что не могла дышать, не хотелось жить. Если он сейчас уйдет, я просто лягу и умру.

— Пожалуйста, Марат, выслушай меня! — просила я.

Схватила его за рукав пиджака, но он отмахнулся от меня, словно от мерзости какой.

— Марат. — Превозмогая страх, осмелилась дотронуться до его лица и провести по щетине пальцами. Я знаю, он очень любит, когда я так делаю...

Мужчина напрягся всем телом. На шее появились мурашки. На миг он прикрыл глаза, словно позволив себе насладиться этим мигом лишь на несколько секунд, а потом распахнул глаза. Там плескалась такая ярость, что моего мужа невозможно было узнать. Он стал чужим. Он ухватил меня за запястье и отвёл в сторону мою руку.

— Не прикасайся, — голос его звучал глухо. Я чувствую, как ему больно, но не могу нас спасти. Пока не могу... Его глаза способны были убить, раздавить и уничтожить. Он просто ел меня взглядом, но не делал и шага ближе. Он больше не притрагивается ко мне как к женщине... — Я так тебя любил... Сдохнуть за тебя готов был. А ты...

Он укоризненно покачал головой. Руки моей не отпустил. Словно берег миг этого соприкосновения его пальцев с моими. Даже такого грубого соприкосновения.

— Марат, я прошу тебя, дай мне сказать!

— Молчи, — он мягко тряхнул меня, и я умолкла. — Мне не нужны твои оправдания для дурака. Я сам всё видел. Сам, своими глазами. Ты мне ничего не докажешь. Мой адвокат привезёт документы о разводе на подписание.

— Отдай детей. Им плохо без меня.

— Нет. Ты всё это сделала сама, Лина. Я никогда не поступил бы так с тобой, если бы не ты.

Он небрежно бросил мою руку и обошёл меня, устремившись к двери.

— Я беременна.

Марат остановился как вкопанный. Медленно обернулся. Я встретилась с холодными серыми глазами, в которых читалось недоверие.

— Что ты сказала? — спросил он.

— От тебя.

—

ГЛАВА 1.

Затри года дособытий в прологе.

Утро встретило меня ласковым солнышком. Сладко потянулась в постели. На часах только пять утра, но за окном уже вовсю солнце и поют птички, отражая моё внутреннее состояние — безграничного, всепоглощающего счастья.

Сегодня самый лучший день на свете. День нашей с Маратом свадьбы. Как же долго мы к этому шли, только подумать... Несколько лет разлуки и сладкое, страстное воссоединение. Мой будущий муж подобен вулкану — не стоит его злить, иначе своей горячей лавой спалит всё на свете. Но сейчас этот вулкан мирно спит в моей постели, напрочь отказавшись ночевать у родителей, как и гласит предсвадебная традиция.

Улыбнулась, дав себя буквально минуту, чтобы полюбоваться его спящим лицом. Умиротворённое, мужественное, красивое по-мужски. Марату уже сорок пять, и у нас с ним разница почти пятнадцать лет, но я никогда её не ощущала. Для меня он самый красивый, желанный и любимый из всех, кого я знала. Он — лучшее, что случалось со мной в этой жизни... Но однако нам пора вставать, иначе проспим ЗАГС. А этого я допустить никак не могу. Я слишком долго этого ждала...

Легко провела пальцами по его щетинистой щеке.

— М-м, — недовольно свёл он брови вместе. А я легко засмеялась — ух, какой он строгий босс даже во сне! Накажет, не просыпаясь.

— Марат, — продолжила я гладить его лицо, плечи, твёрдые мышцы груди. — Вставай, любимый. Пора становиться мужем...

— Точно, — распахнул он резко свои серые глаза. — Свадьба.

Он сонно улыбнулся мне, когда встретился с моим взглядом. И тоже провёл пальцами по моей щеке, заставляя меня испытывать щемящее чувство нежности, которое готово было меня разорвать на сотни молекул и атомов. Но я раз за разом выживала, испытывая эйфорию от этих ласк моего мужчины.

— А ты готова становиться женой? — спросил он с хрипотцой в голосе после сна, которая всегда сводила меня с ума. Сжал сильнее в руках, привлекая к себе моё внимание. — Я буду очень строгий муж. Ревнивый и жёсткий. Измен не прощу. Никогда.

— Я знаю, — мягко провела я по его кудрям, уже тронутым сединой. Но меня это нисколько не смутило. Так он выглядит ещё более brutally.

— Ты меня хорошо слышала, Лина? — пытал он меня взглядом.

Взяла его лицо в свои ладони и посмотрела в его серые глаза, которые горят теперь только для меня.

— Услышала, милый. Я никогда тебя не предаю и не променяю ни на кого другого. Неужели ты думаешь, что кто-то тебя мог бы заменить? Тем более, я ведь ношу нашего уже второго ребёнка. Я столько лет тебя ждала... Это ли не доказательство моей любви к тебе?

— Девочка моя, — нежно взял он в пальцы мой подбородок. Его глаза сконцентрировались на губах. Большой палец мужчины лёг на нижнюю губу и ласково, с долей эротизма, прошёлся по ней туда и обратно. Мягко надавил. — Ты только моя. Я тебя никому не отдам.

— Это я тебя никому не отдам, — ответила я и поймала губами его палец, втягивая в себя.

— М-м...

Все его мышцы напряглись разом, он резко выдохнул. Серые глаза тут же заволокло порочной дымкой желания. Марат всегда остро реагирует на мои сексуальные игры с ним. А я люблю с ним играть и кайфовать от этих его реакций.

Я обхватила пальцами его запястье и вобрала палец в себя ещё глубже, имитируя оральные ласки. Вверх-вниз, вверх-вниз, втянуть в себя... При этом то покорно, то страстно поднимала на него взгляд и смотрела в его глаза, которые всё больше темнели от накрывшего его вожделения.

— Лина... — прорычал он. — Ты не наденешь свадебное платье, пока не избавишь меня от жажды, которую сама и вызвала.

— А кто против? — изогнула я одну бровь и облизнула подушечку его пальца по кругу, услышав новый глухой стон распалённого моим огнём мужчины...

Положила руку на его грудь и стала спускаться ниже. По кубикам живота, по жёсткой поросли волос у самой резинки боксёров. Член уже налился до отказа, и я поддела резинку его белья, чтобы затем спустить его с крепких ягодичек и обхватить возбуждённый мужской орган рукой. Едва мои пальцы сомкнулись, как Марат глухо застонал, покусывая губы в предвкушении.

— Да... — Вплетал он пальцы одной руки в мои распущенные волосы, а другой — сжимал моё бедро до красноты. — Да. Лина...

Его рука мягко надавила на мой затылок, направляя вниз, показывая, насколько сильно он желает сейчас ощутить мою ласку. Я спустилась ниже на кровати. Горячим дыханием опалая его член, покрывшийся от сильного возбуждения сеткой вен, но дразнила и не касалась его губами. Только двигала рукой вдоль ствола, крепко сжав его в пальцах, туда и обратно.

— Ангел, — порочно прорычал он, пытаясь меня подтянуть за подбородок ещё ближе, чтобы я взяла его. В ответ обвела вокруг бархатной головки члена пальцем.

Глаза Марата закрылись, он издал негромкий полустон-полурыв и стал дышать рвано и тяжело.

— Багира, — произнёс он и открыл глаза, словно пьяные от страсти и удовольствия. Надавил большим пальцем на мои губы, заставляя меня раскрыть их и подводя член ближе к ним. Головка уже коснулась нежной кожи губ. — Я хочу тебя. Так.

Позволила ему скользнуть внутрь себя. Обвела головку кончиком языка несколько раз и слышала, как он рычит ещё более глухо.

— М-м... Да. Давай, ещё глубже... — Он намотал мои волосы на кулак, зафиксировав голову так, чтобы я была в удобном для него положении, и проталкивался в мой рот ещё и ещё.

Я послушно вбирала его плоть, ласкала её языком, втягивала в себя словно вакуум и помогала себе рукой доводить его до самого пика удовольствия, ловя непередаваемый кайф от его наслаждения. Марат никогда не смущался своего удовольствия в сексе со мной, откровенно стонал так, что мне тоже голову сносило только от его стонов. Свела бёдра вместе. Я ощущала внизу живота нарастающее ноющее желание, как обычно бывает с ним. Мне хотелось поскорее тоже ощутить дозу своего удовольствия, плоть пульсировала, бельё стало влажным.

— А-а... Да. Моя ох*енная девочка, — кайфовал он, вбиваясь в меня настолько, насколько я могла его принять. — Иди сюда.

Он резко вышел и перевернул меня на спину одним движением. Бёдра заставил поднять и развести шире ноги.

— Ах... — выдохнула я, когда его пальцы легли на клитор и принялись нежно, но настойчиво массировать и без того возбуждённую плоть. — М-м...

Пальцы двигались по кругу, потом вверх-вниз, и я судорожно глотала воздух в предчувствии скорого и очень острого оргазма. Бёдра стали дрожать от подступающего и обнажающего душу удовольствия.

— Давай же, кончай, — шепнул он мне на ухо и подцепил зубами мочку моего уха. — Кончай...

Его слова словно сорвали курок. Удовольствие накрыло лавиной. Перед глазами поплыли круги, а тело свело сладко-острой судорогой. Горячее тепло разливалось по всему телу с огромной скоростью, заставляя каждое нервное окончание сначала сойти с ума от кайфа, а потом блаженно расслабиться. Я кричала, сминая в кулаках простыни и подаваясь к нему ягодицами, желая, чтобы он продлил моё удовольствие и получил своё.

Марат знает, как я люблю. На самом пике наслаждения он резко вошёл в меня и стал двигаться — быстро, беспощадно, не давая опомниться и позабыть даже о том, какой сегодня день и как меня зовут. С ним я забываю, где я и кто я, я превращаюсь в сплошной секс, нерв и удовольствие...

Он громко стонал в унисон со мной, набрав настолько бешеный темп, что я просто не успевала дышать и хватать пересохшими губами воздух.

Внезапно до нас долетел стук в дверь. Я мигом переполошилась и замолчала, захотела отползти от него, но мужские пальцы заставили меня оставаться на месте, впившись до боли в кожу бёдер.

— Извините... что прерываю, но невесте пора одеваться.

Боже, как стыдно... На щёки лёг такой румянец, что и наносить искусственный теперь не нужно. Домработница пришла сообщить о том, что приехал свадебный стилист, и услышала наши охи-вздохи во всей красе...

— Она скоро придёт, — хрипло отозвался Марат, который совершенно не смутился и вернул меня на место, продолжив насаживать меня на всю длину своего члена.

Я зажала рот рукой, чтобы не стонать снова слишком громко. Ужас какой, там персонал за дверью, подготовка к свадьбе началась, а он продолжает меня трахать как ни в чем не бывало.

Марат...

— Хорошо, я скажу, чтобы... подождали немного, — произнёс голос за дверью.

— Да, нам немного осталось, — ответил Марат, и мне вдруг стало смешно. А он добавил мне на ухо. — Вот припёрлась, я почти уже кончил.

— Ну ладно, я... пошла.

Шаги от двери вскоре стихли, а Марат навалился на меня с новой силой.

— Марат... — попыталась я воззвать к его разуму. — Мы же опоздаем!

— Пока не кончу — ты отсюда не выйдешь, — отрезал он и стал вбиваться в меня ещё быстрее, ещё более остервенело, чем до этого, словно если срочно не получит оргазм, то рухнет весь мир... Мне уже было нечем кричать, когда я почувствовала, как большой член толкнулся в меня до самого предела, его головка уткнулась в стенки моего влагалища, и внутрь меня стала изливаться горячая сперма.

— Чёрт, — отдышался он после особенно громких наших стонов. — Ты ж моя ох*енная... Вот теперь можно и на свадьбу пойти. Без привычного стояка на тебя. Хотя...

— Если сейчас не отправимся, можем опоздать в ЗАГС, — волновался папа, который пришёл после того, как меня облачили в свадебное платье.

Слишком туго ленты не затягивали — я уже на третьем месяце беременности. У нас с Маратом есть дочь, которую я родила одна, потому что Марат о ней просто не знал. Когда узнал — наша жизнь с Алисой круто изменилась, а теперь я ношу ещё одного малыша — плод нашей страсти, которую не смогли потушить даже годы разлуки. Теперь я почти готова к выходу. Заканчивали с причёской и аксессуарами.

— Успеем, пап, — улыбнулась я ему. — Марата будут ждать все и везде.

— Ну да, — хмыкнул он. — Все никак не привыкну, что твой муж слишком влиятельный для обычного ЗАГСа и не опаздывает, а задерживается.

— Именно, — усмехнулась я. — Без росписи не останемся.

— А чего так всё поздно начали? — спросил папа, и я невольно опустила глаза в пол.

— Проспали, — коротко ответила я, ощущая, как снова разливается жар по щекам от утренних воспоминаний, а по телу снова расплзается томительное желание повторить... Тряхнула головой. Сейчас не время об этом думать, у нас слишком важный день впереди.

— Павлуша, не приставай к молодожёнам, — обратилась к нему Ольга Вячеславовна, бабуля Марата. Почти восемьдесят пять лет, но она ещё полна сил, даже поднялась по лестнице в нашу спальню, чтобы увидеть невесту одной из первых. — Что, не знаешь, как молодые "просыпают"?

Она подмигнула отцу и рассмеялась. Тот смутился, но тоже подхватил смех. Я же красноречиво покраснела ещё больше, но заострять тему не стала. Да, мы с Маратом прекрасно "проспали", до сих пор ноги дрожат, и в теле ощущается приятная ломота.

— Какая же ты красавица, Ангелиночка, — восхищалась всё утро бабушка Марата, которая практически заменила ему мать, растившую в любви младшего сына, но не Марата. — Не могу налюбоваться. Я б сама на тебе женилась, была б я мужиком! Марату повезло. Урвал себе красотку такую!

— Спасибо, — улыбнулась я. Бабуля моего будущего мужа любитель сказать что-нибудь эпичное... — Это мне с ним повезло. Он у вас замечательный.

— Просто он тебя любит, милая, — улыбнулась она мне в ответ. Её глаза засветились теплом и нежностью. Так всегда, когда она говорит о своём внуке и нашей семье, которая через пару часов станет официально одной общей. — Вот когда он зол или ранен в сердце — лучше ему на глаза не попадаться. Никому не пожелаю стать его врагом — уничтожит. Но тебе это, конечно, не грозит. Ты умница, девочка.

— Всё готово, — сказала имиджмейкер, которая занималась моим внешним видом для свадебной церемонии, и отошла в сторону, чтобы родные оценили.

Я повернулась к зеркалу и окинула себя взглядом ещё раз. Приталенное под грудью и максимально лёгкое и тонкое платье цвета шампань красиво струилось по ногам. Под платьем белые балетки ввиду беременности, на голове красивая диадема в греческом стиле — всё красиво, изящно, но без излишеств, Марат этого не любит. Ему нравится естественность, и лучший наряд для меня, по его мнению — костюм Евы...

— Как же красиво, — повторила Ольга Вячеславовна. — От тебя глаз невозможно оторвать.

— Да, очень красивая невеста. Моя дочь выходит замуж, — добавил негромко папа.

Я обернулась на него. Он очень волнуется и растроган, слышу даже по голосу.

— Папуль, — подошла я к нему, поддерживая подол длинного платья. Обняла его, положила голову на плечо ещё одного любимого мной мужчины. — Всё хорошо. Я по-прежнему твоя дочь. И никуда не денусь.

— Всё равно очень волнительно, — ответил он, поглаживая меня по спине словно маленькую.

— Всё будет хорошо. Помнишь? Мы мечтали, что так и будет.

— Да, знаю. Потому что ты с Маратом.

— Да пап, — заглянула я в его глаза и ободряюще улыбнулась. Потом снова взяла края платья в руки. — Пора.

У самого выхода из дома меня ждал Марат. Он хмурился и поглядывал на часы, словно это я виновата, что опаздываем теперь на собственную свадьбу! Легко мужчинам — умылся, причёсался и уже красивый. А нам сколько всего требуется, чтобы просто пережить день свадьбы и быть не хуже других невест! Хотя сейчас он очень красивый... Я аж застыла на время возле него и зависла. Неужели этот мужчина мой?

Марат красивый по-мужски. Меня с самого начала к нему потянуло, к чему-то тому, что скрыто внутри. К его энергетике, мужественности, даже брутальности с лёгким флёром сво-

лочки, но это всегда лишь добавляло в наши отношения перчинки. Серые пронзительные глаза сразу пленили меня, едва я устроилась к нему на работу, и не отпускают меня и сейчас, спустя столько времени. А сейчас он ещё и одет как принц из сказки — свадебный дорожный фрак, брюки со стрелкой, идеально начищенные лакированные ботинки, нарочно слегка небрежный чуб и... щетина. Марат брился утром, но она так быстро растёт у него, что спустя несколько часов появилась на лице снова... Ночью он будет царапать ею беспощадно мои губы, но от этого приятная дрожь по телу.

Мой. Только мой... Жених. Почти муж. Брат того, за кого я чуть не вышла замуж по глупости...

Тогда переживала и смущалась того, что влюбилась в старшего брата своего жениха, даже корила себя за это не раз, а сейчас я за всё благодарна судьбе. Мы любим друг друга, уже не представляем жизни по раздельности и растим долгожданную для обоих дочь. А скоро еще у нас родится наш сынок. Мы почему-то уверены, что будет мальчик — Арсений. Арсюша. Мы очень его ждём...

— Ангел, — произнёс он и взял меня за руку, забыв даже о времени. Он любовался, а по моим щекам снова расплылся жар. Он смотрел с таким желанием и любовью, что ноги подкашивались. — Какая ты красивая... Я женюсь на самой прекрасной на свете женщине. Едем же!

Марат потянул меня за руку к машине. Для свадьбы мы арендовали белый лимузин — мечта многих и многих. Моя тоже. Красиво же!

Лимузин нёс нас по улицам довольно быстро. Позади нас следовал целый свадебный кортеж в шариках, цветах и бантиках и сигнализировал всем машинам, чтобы дали дорогу.

К ЗАГСу подъехали за десять минут до начала церемонии. Когда я вышла из машины, то всплеснула руками.

— А букет невесты?

— А что букет?

— Я его забыла на кухне! — Начала нервничать я. — Ну вот, так и знала, что что-нибудь пойдёт не так...

Гости позади нас загалдели на разные лады, чтобы я не переживала из-за забытых роз.

— Так, Лина, только не говори, что собралась плакать, — посмотрел внимательно на меня Марат.

— Нет, — покачала я головой, прогоняя слёзы. Конечно, чёрт возьми, я собралась плакать! Мы столько к этому шли, готовились к свадьбе, и я просто взяла и забыла свой роскошный букет дома...

— Хм, — вздохнул Марат и огляделся вокруг. — Стой тут.

— Куда ты? — окликнула я его, растерянно сминая в руках подол платья. — Мы не успеем уже за цветами другими. Такие букеты делают на заказ.

— Букет тебе собирать.

И он направился в ближайшую клумбу с цветами... Залез прямо в неё, закатал рукава дорожущего пиджака и принялся рвать цветы. Меня разобрал смех. Такого еще никто для меня не делал. Оборвать цветы возле ЗАГСа для невесты — это сильно.

— Правильно, Марат — дешево и сердито, — гоготали мужики в таких же дорогах, как и мой жених, пиджаках. — Рви больше!

— Марат, ну прекрати! — Позвала я его. — Вылезай из клумбы. Обойдусь я без цветов.

— Молодые люди, а что вы, собственно, делаете? — с возмущением спросил нас женский голос, и толпа возле клумбы дружно обернулась.

На нас строго поверх очков смотрела сотрудница ЗАГСа, которая была явно недовольна обчехренной клумбой.

— Цветы у вас рвём, — отозвался один из гостей. — Невеста забыла дома букет!

— Ну что же сразу клумбу-то... — растерянно ответила женщина. — Додумались же... Вы проходите на регистрацию или как? Вас все ждут!

— Да, — рывкнул Марат, выпрыгивая к нам на асфальт. — На, — он протянул мне букет простеньких цветочков, каких в это время полно в каждом городе. — Бери свой букет невесты.

— Ты шутишь? — со смехом спросила я его.

— Не шучу, — отозвался он. — Бери. Зря я, что ли, в клумбе лазил?

ГЛАВА 2.

Непередаваемые ощущения, когда тыходишь в зал для свадебной церемонии вместе со своим будущим мужем... Рука об руку, душа к душе... Мы шли вместе, словно единое целое.

Регистратор косилась на мой странный и явно "полевой букет", но я держала его с гордо поднятой головой — это подарок моего мужа, и плевала я, насколько он хуже дизайнерского, который остался дома. Мой мужчина сам собирал его для меня на местной клумбе — что может быть лучше?

Но всё же кое-что оказалось лучше... Слова регистратора. Она и до этого много сказала, но меня тронули именно последние слова. Марата тоже — он крепко сжал мои пальцы в своих.

— Согласны ли вы, Марат Ильдарович, взять в жёны Ангелину Павловну?

— Да, — твёрдо ответил он и сжал мои пальцы её сильнее.

— Является ли ваше желание искренним?

— Да, — повторил он.

— Теперь я спрашиваю вас, невеста, — обратилась ко мне регистратор. — Ангелина Павловна, готовы ли вы взять в мужья Марата Ильдаровича?

Я промолчала и перевела взгляд на Марата. Он напряжённо смотрел на меня. Поднял брови вверх. Ага, боится, значит, что я могу всё ещё отказать? Это интересно.

— Ангелина Павловна? — вопросительно уставилась на меня сотрудник ЗАГСа. — Вы согласны или нет?

И снова небольшая пауза, дабы потрепать нервишки будущему мужу. Чувствовала, как он напрягся и вытянулся струной, пока я молчала, и знаю, что буду наказана за эту злую шутку... Но наказана очень приятно. Люблю, когда он злой и хочет секса. Такой секс за гранью добра и зла — душу вытряхает, пока весь пар спустит. Он снова сжал мои пальцы, вынуждая отвечать. Усмехнулась про себя. Вот, значит, как ты хочешь меня получить... Даже если скажу сейчас "нет", он найдёт способ заставить меня изменить своё решение.

— Да, — ответила я в итоге.

— Является ли ваше желание искренним? — спросила регистратор.

— Да! — заявила я уже более уверенно. Хватит Марату стресса на сегодня.

— Именем Российской Федерации и правом, данным мне, я, в этом торжественном зале, при свидетелях, объявляю вас мужем и женой!

Зал взорвался овациями, а мы посмотрели друг на друга — нежно, влюблённо, как и раньше. Теперь мы семья, я ношу фамилию Марата, как и наша дочь Лиска, которая сидела у папы на руках всю церемонию, и наш сынок, который родится через шесть месяцев...

— Теперь уже не жених, а муж может поцеловать свою супругу! Первый совместный поцелуй!

Марат развернул меня к себе. Пальцы властным жестом подняли мой подбородок вверх. Серые глаза лучились счастьем и радостью, как и мои. Он наклонился ближе и коснулся губами моих. Самый нежный и самый трепетный поцелуй на свете... Только руки его выдавали — стиснул меня в объятиях крепче, чем позволяют правила и рамки приличия. Язык не засунул мне в рот только потому, что люди смотрели.

Первый танец у камина, фотографии... Марат, выносящий меня из ЗАГСа на руках и громко говоривший, что несёт сокровище, что он женился. Потом душевный банкет в уютном небольшом кафе класса люкс, арендованном нами на весь вечер.

Задушевные песни от тамады, признания в любви от Марата в микрофон и новые слёзы. Слёзы счастья.

— Ты устала, Лин? — спросил Марат, заметив, что я просто засыпаю на его плече. Беременность даёт о себе знать.

— Чертовски устала, — вздохнула я. — Хочу домой.

— Поехали, — на полном серьёзе ответил он.

— А как же гости?

— Да сами догуляют.

Он взял меня под руку и вывел из-за стола. Подошёл вместе со мной к ведущему и взял у него микрофон.

— Дорогие друзья! — говорил Марат в микрофон. — Спасибо всем огромное за то, что поделили с нами этот светлый праздник. Я очень рад был провести этот прекрасный день вместе с вами. Но моя любимая жена очень сильно устала. Как многие уже знают, мы в положении...

Зал радостно загалдел и зааплодировал.

— Да-да, — хитро улыбнулся мой муж. — Поэтому я, моя любимая и наш сынок уезжаем отдыхать. И пусть она знает, что я очень-очень сильно её люблю!

Он отдал микрофон обратно, а я кинулась ему на шею, целуя губы, щёки и шею. Ну обожаю же!

— И я тебя люблю! — кричала я на весь зал. — Ой!

Марат взял меня на руки и понес из ресторана. Наш водитель лениво курил возле свадебного лимузина, но завидев нас, тут же затушил сигарету.

— Куда едем? — спросил он нас.

— Гони домой, шеф! — сказал ему Марат.

Он помог мне сесть в авто, и мы поехали по уже погружающимся в сумерки улицам Москвы. Рядом, рука об руку, тело к телу... Как же хорошо. Как здорово, что все проблемы кончились. А впереди нас ждёт самое лучшее, самое светлое будущее. Общее.

— Боже, как я устала, — простонала я дома, когда скинула балетки с ног. — Хочу в душ.

— Пойдём, — потянул он меня за руку наверх.

В спальне помог раздеться, разделся сам до белья, и мы вместе пошли в тёплый душ. Просто обнимались, целовались и стояли под ласкающими струями. Марат хотел близости, его напряжённый член мешал обниматься, но он не приставал, понимая, как сильно я устала. Я почти дремала на его мужественном плече.

Он выключил воду, вытерся сам, потом взял чистое полотенце и завернул в него меня, а затем снова взял меня руки и отнес уже в постель. Уложил, забрал полотенце и заботливо укрыл одеялом. Лёг с другой стороны кровати рядом. Прижал меня к себе и стал гладить меня по волосам.

— Как ты будешь спать, Марат? — спросила я, почти проваливаясь в сон.

— Как понять — как? — не понял он. — Молча. Закрою глаза и усну.

— Но ты же... хочешь.

— А-а... Это. Не обращай внимания. Он тебя всегда хочет, но мне важнее твоё самочувствие. Поэтому сегодня спи, девочка моя. А вот завтра., когда мы окажемся на тёплом острове у океана.. Ух, не завидую я тебе, Ангел мой порочный... Залюблю.

Он поцеловал мою шею, и я мягко рассмеялась в ответ.

— Да, сегодня я спать...

Он уложил меня к себе на грудь, крепко прижав к своему горячему телу. Так тепло. Хорошо. Безопасно. Кажется, я поняла выражения "как за каменной стеной" и "крепкое мужское плечо"... Аж слёзы на глаза навернулись... От счастья.

— Ангел, — шептал он мне, целуя висок и макушку. — Я самый счастливый на свете.

Мы оба чувствуем примерно одно и то же. Мы дома. В объятиях друг друга.

— Почему?

— Потому что ты моя жена. Ты рождаешь мне детей, любишь меня и спишь со мной в одной постели. Мне в этой жизни ничего не нужно больше.

— А бизнес? — изогнула я бровь, даже привстала с постели.

— Ну, и бизнес, — улыбнулся он. — Вот поймала, а... Спи давай!

Утром сквозь сон ощутила, как Марат целует мою шею. Всё эротичнее и эротичнее... Рукой заставил меня развести ноги и отодвинул ткань белья, коснулся пальцами чувствительной кожи под трусиками. Отзывчиво прогнулась в спине и застонала. Ещё не проснулась я сама, а желание — проснулось. Он продолжил настойчивую ласку, наслаждаясь моей острой реакцией. Любитель соблазнять меня во сне...

Поцелуи становились всё горячее, дыхание тяжелее, сердце билось чаще от того, что он творил со мной. То нежное массирование клитора, то более активное, заставило тело выпрямиться струной в ожидании сладкой разрядки, которая очень скоро наступит. Марат и раннее утро — для меня как афродизиак, очень быстро дохожу до точки. Впрочем, я для него тоже — ткань боксёров не скрывала его эрекции.

И нескольких минут не прошло, как тело свело судорогой, а меня пробило на крик на всю комнату. Я впиалась пальцами в его обнаженные плечи и стонала, пока оргазм не отпустил моё тело, оставляя после себя сладкую истому словно на цветах росу... Распахнула глаза и увидела напротив себя его взгляд — серые глаза, полные огня, желания, стремления восполнить то, что вчера он не получил.

— Доброе утро, жена, — сказал он хрипло, переворачивая меня на бок и устраиваясь позади меня.

— Доброе, — ответила я с блаженной улыбкой.

— Как кончила? — спросил он, и мне стало смешно.

— Прекрасно, — отозвалась я и чмокнула его в губы. — Спасибо.

— Спасибо сейчас скажешь по-другому, — заявил Марат и подвёл головку члена ко входу во влагалище.

Одним толчком вошёл на всю длину, довольно осторожно. Вторжение в меня сорвало судорожный вздох с губ, а он притянул меня к себе крепче и стал двигаться. Мягко, даже нежно, никуда не торопясь. Он просто наслаждался этим первым супружеским утром и мной.

— Мы так... опоздаем на самолёт... ах, — говорила я ему, сминая в пальцах простынь от заполнивших меня мучительно нежных ощущений.

— Со стояком не поеду, — заявил он, начиная вбиваться в меня быстрее и резче. — Он у меня со вчера не падал — из-за тебя, принцесса. Так что чш-ш-ш... Можно только кричать от кайфа.

Он зажал ладонью мой рот, чтобы больше не болтала, и вбивался в меня сзади, другой рукой удерживая мои бёдра на месте. Нашла губами его большой палец и обхватила его. Облизнула подушечку кончиком языка по кругу.

— Бл*дь, Ангел, — простонал он и ещё увеличил темп. — Не драконь меня, я пытаюсь быть нежным!

В ответ легко куснула его зубами.

— Ангел... — Марат предупреждающе зарычал и стал двигаться еще более резко.

Отпустила его палец и снова лизнула в месте укуса, ещё и ещё...

Марат рыкнул громче и перевернул меня на живот, снова вошел сзади и набрал такой сумасшедший темп, что я потеряла связь с реальностью. Остались только эти крутые ощущения и движения его члена во мне до самой разрядки... Обоюдной разрядки. Мы оба соскучились, не только Марат... Новая волна оргазма накрыла так, что сил не было сдерживаться, и комнату заполнили мои стоны, к которым присоединился и Марат — его добила моя пульсация вокруг его члена, и он тоже кончил. Получить одновременно оргазм — это двойное удовольствие...

— Вот теперь я не стану приставать к тебе в самолёте, — сказал он мне на ухо. — Можешь лететь спокойно. Пока не попадём в наше бунгало у океана... И да — пожалуйста.

Сейшельские острова встретили нас теплым бризом. Перелёт с пересадками утомил меня, и первую половину дня мы просто отсыпались под кондиционером после душа. Бунгало очень красивое, внизу под сооружением плещется океан — непередаваемый и незабываемый вид. После обеда, который нам готовили и приносили с кухни отельной зоны, прошлись по пляжу и искупались в океане.

От его вида захватывало дух. Я не могла надышаться солёным влажным воздухом и насмотреться на зону горизонта, которая сливалась с голубым океаном вдалеке. Шум пенистых волн, которые ласково облизывали песок, действовал умиротворяюще. Сейчас ничто не могло бы омрачить моего счастья. Океан на райских островах — ещё одна заветная мечта, которую исполнил мой мужчина. Исполнил для меня.

Марат играл с Алиской у самой воды, и я невольно улыбнулась, глядя на них. Теперь мы настоящая семья. Оно того стоило...

— Пап, не бызгайся! — пищала она, смеясь.

— Ну ты же брызгалась, хулиганка!

— Па-а-ап!

— Ты первая начала!

Смотреть на это и не смеяться было просто невозможно. Наша дочь — воплощение нашей с Маратом любви. Глаза и кудри его, нос и губы мои — наше продолжение.

— Ну что, Ангел? — Марат подошёл ко мне и приобнял за талию, поглядывая на Лиску, чтобы та не залезла в воду сама. — Осталось кое-что, что мы ещё не сделали?

Он вынул из кармана коротких шорт замочек. Замок любви. Обычный амбарный замок, выкрашенный в белый цвет, где золотым цветом выгравированы наши имена и дата свадьбы. Мы мечтали повесить его на специальный мостик для влюблённых, который организовали для пар, проводящих медовый месяц на Сейшелах, хозяева отеля.

— Идём? — спросил он меня, беря за руку Алиску.

— Идём, — кивнула я и взяла за вторую руку малышку.

Так и шли втроём, держа за ручки нашу девочку, до небольшого мостика. Он взошел на него первым и повесил на перила замок, но не защелкнул.

— Давай, жена, — улыбнулся он мне и кивнул на перила. — Замкни его,крепи нашу любовь.

— Ты считаешь, что за любовь в семье отвечает женщина? — спросила я его.

— Именно, — ответил на полном серьёзе Марат. — Женщина — шея, верно говорят. Как ты будешь себя вести, таким буду и я. Будешь любить и ценить меня, и я отвечу тем же. Иди же.

Я вместе с дочерью подошла к нему и протянула руку. Нажала на дужку замка, и он защёлкнулся.

— Вот и умница, — обнял он меня за плечи. — Люби меня так же сильно и крепко, как висит железный замок на железных перилах.

— А ты меня? — спросила я его.

— И я тебя. Я не смогу разлюбить уже.

— Даже если случится что-то... плохое?

— Так, Ангел, — упрёкнул он меня. — Зачем портить отдых и думать о плохом?

— Ну мы же не сможем вечно быть нежными, — пожалала я плечами. — Будут и ссоры. Ты можешь быть очень жестким, Марат...

— Даже во время ссоры я не перестану тебя любить, — ответил мне Марат. Серые глаза смотрели в мои.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я положила голову к нему на плечо. Я верю, что всё так и будет. Всегда.

ГЛАВА 3.

С момента нашего медового месяца прошло три года. Целых три года: три зимы, три лета... Жизнь пошла своим чередом и оказался не столь радужной, какой хотелось бы. Марат сложный человек, но я это понимала, принимая предложение руки и сердца. Я готова была прощать его недостатки и принимать таким, какой он есть, каким я его полюбила однажды. Лишь одно оставалось неизменным — то, как он защищал свою семью от всех невзгод. Он всегда находил решение любой проблемы. Я никогда не жалела, что моим мужем стал именно этот властный и сложный мужчина. Каков есть, и я его люблю.

— Ну всё, мне пора, — поставил на блюдце Марат свою чашку для кофе и встал на ноги.

— Пока, пап, — сказала Алиска и попыталась встать со своего места за ним.

— Сиди и ешь, — осадил он её. — Завтрак еще не закончен. Это я тороплюсь.

Я вздохнула. Марат строит домочадцев, как и персонал на работе. Что поделаться, если муж — большой начальник, этого следовало ожидать. Маленький Арсений сидит смирно, он знает, что нужно дождаться разрешения выйти из-за стола. Не могу сказать, что не согласна с тем, что в доме должен быть порядок. Дочь же насупилась на пару секунд, обидевшись на строгого отца, потом всё же улыбнулась ему.

— Хорошего дня, папуль.

— И тебе, солнышко, — голос мужа стал звучать теплее. — Слушайся маму и заканчивай выкрутасы. Иначе никакого тебе Диснейленда на твой день рождения.

— Да я же не...

— Алиса, — покачал он головой, и та замолчала, уткнувшись в тарелку.

Дочь выросла шептунья. У нее уже начались занятия для подготовки в первый класс, но пока она воспринимает их совсем тяжело. На месте не сидит, учителя на неё жалуются, а уж как я с ней уроки делаю — вообще отдельная тема...

— Арсений, ты за мужика остаёшься, — сказал он трёхлетнему сыну. — Понял? Защищай наших женщин.

— Понял, — кивнул сынок в ответ.

В отличие от Лиски, Арсений очень серьёзный и послушный. Его отношения с отцом складываются куда проще, чем у озорницы Лиски. Конечно, он любит обоих одинаково, но Алисе попадает чаще по причине несносного характера.

— Я провожу папу, — сказала я детям и тоже вышла из-за стола. — Пейте чай.

Пошла следом за Маратом в холл-прихожую, где дети нас уже видеть не могли. Подошла ближе и поправила его галстук и ворот рубашки. Посмотрела в серые глаза, которые уже успели потемнеть просто от того, что я оказалась слишком близко.

— Ты уверен, что я могу остаться дома?

— Да.

— Но ведь тебе без меня трудно.

— Есть такое, — кивнул муж. — Но я хочу, чтобы этот выходной ты провела с детьми, а не зарывалась в работу. Мне поможет Аня.

— Я ревную к этой чёртовой Ане, — сверкнула я глазами.

— Брось, Багира. Ей за пятьдесят.

— Она почти твоя ровесница.

— Да, но я люблю кровь помоложе.

Мужская рука протянулась к моей ягодице и сжала её, он прижал меня к себе, почти впечатав в зону паха.

— Будешь злить меня — ночью накажу.

— А я тебе не дам, — вскинула я голову.

— А я тебя свяжу.

— Вот засранец.

— У тебя нет шанса сказать "нет", Ангел, — хлопнул он меня по задку так, что я вздрогнула. — Отдыхайте, съездите к бабуле, она вас ждала всю неделю.

— Обязательно, — кивнула я. — Ты только не задерживайся, ладно?

— Постараюсь, — вздохнул он. — Ты же знаешь, сейчас сложные времена.

— Мне ли не знать, — изогнула я бровь. — Я ведь твой помощник.

— Вот именно, — он ласково щёлкнул меня по носу. — Сама всё знаешь, что мне покой только снится. Бизнес надо спасать. Иначе будем жить в квартирке на краю Москвы.

— А я тебя от этого любить меньше не стану, — провела я пальцами по его щетине, ощутив его дрожь.

Мужские пальцы легли на мою талию и сжали её, обжигая кожу даже через тонкую ткань халата. По спине пробежали мурашки... Три года прошло, а страсть наша не утихла и даже будто набрала ещё большие обороты. Марат сходит по мне с ума, и я обожаю быть такой желанной для него.

— Ладно, пора, — сказал он, на миг прижавшись к моим губам властным поцелуем. — Дела. Хорошего дня.

— И тебе.

Смотрела в окно прихожей, как он шёл к машине и открыл её с пульта. Открыл дверь и, перед тем как сесть, обернулся, словно ощущая мой взгляд на нём. Улыбнулся и помахал рукой. Я улыбнулась в ответ и послала воздушный поцелуй. Он изобразил, будто поймал его и приложил к сердцу, а затем под мой смех сел в авто и уехал.

Я вернулась к детям, которые как раз успели разделаться с завтраком.

— Ну что, к бабушке Оле поедом? — спросила их.

— Да! — выскочила из-за стола Лиска и запрыгала. При мне она может позволить себе больше, потому что я не так её гоняю, как строгий Марат. — Бабушка Оля, бабушка Оля!

— А можно мне взять с собой новый танк? — спросил меня Арсюша.

— Он такой большой, — хмыкнула я. — Может, дома оставим, зай? Приедешь, тогда и поиграем.

Лицо сына тут же накуксилось.

— Ладно, бери, — махнула я рукой. — Придумаем что-нибудь.

А вот из меня дети стабильно выют верёвки, ничего не могу с этим поделаться...

Мы собрались за полчаса. Ещё минут сорок потратили на дорогу и оказались в доме родителей Марата. За это время он стал нашим вторым домом. Нам всегда здесь рады, встречают тепло, угощают вкусностями. Но сегодня всё пошло не так с самого начала... Едва переступила порог, как встретила нос к носу с Марком.

Марк сидел в кресле чуть в стороне и смотрел на меня. Он явно стал старше и солиднее — скорее всего, и в капитале тоже. Только почему он один? Он ведь женился на своей брюнетке, она не смогла сопровождать своего мужа? Завтра день рождения отца Марка, видимо, поэтому он оказался снова в России.

— Привет, Ангелин, — обратился он на себя моё внимание, когда мы закончили процедуру объятий с бабушкой и мамой, а дети разбежались по дому, играя друг с другом.

— Здравствуй, Марк, — отозвалась я и повернулась к бабушке. — Новую пряжу не привезли ещё?

С недавних пор я тоже увлеклась вязанием. Ольга Вячеславовна научила и меня. Мы заказали с ней новый набор пряжи сюда и теперь в режиме ожидания.

— Да, Линочка, — кивнула она. — Сходи в комнату, принеси её сюда. На комодике коробочка, цветастая такая.

Я поднялась на второй этаж в спальню бабули и принесла с собой коробку вниз. Разложила её на диване. Марк молча наблюдал за мной, и мне от этой взгляда было неуютно. Словно не было этих лет. Почему он смотрит и явно, хоть и молчаливо, сосредоточился на мне?

— Вот из этой пряжи получится вот такая вещица, — показала Ольга мне картинку в каталоге, который прилагался к набору пряжи.

— Ух ты, классная какая! — Взяла я в руки буклет и стала изучать схему вязки и то, что в итоге должно получиться. Свитер, довольно интересный и легкий.

— Ты начала вязать? — спросил меня Марк с улыбкой.

— Да, — подняла я на него взгляд. — А что?

— Мне казалось, ты таким не любила заниматься.

— А ты разве так много обо мне знаешь, Марк?

— Мне казалось, что знаю, — усмехнулся он. — Но ты меня смогла удивить.

Поджала губы. Он говорит о том, что я всегда была за верность в отношениях, а сама влюбилась в его старшего брата. Но так уж вышло, я никогда себя в этом не оправдывала. Я пыталась расстаться честно, но вышло немного иначе, так что ж теперь? На костёр меня за это? Уже столько лет прошло, неужели его до сих пор так беспокоит моё предательство и по-прежнему отзывается в нём?

— Мне кажется, никто не знает другого на сто процентов хорошо, — ответила я, сменив тему с личной на более пространную. — Можно прожить с человеком десять лет и не понять, какой он, всё равно.

— Это ты на своём опыте поняла? — изогнул он скептически бровь. — Мой братец не сахар оказался, не так ли?

— Да, не сахар, — кивнула я. — Я и до этого не считала Марата принцем.

— Но он наверняка тебя тоже удивил, так ведь? — снова улыбнулся Марк. — Например, своей бешеной ревностью, из-за которой ушли обе его жены до переезда в США.

Нахмурилась. Из-за ревности? Я слышала другую версию его разводов. Впрочем, это может быть правдой... Марат в самом деле жуткий собственник, не простит, если я кому-то просто улыбнусь. В этом плане с ним бывает трудно, но его ревность обычно проходит после жаркого секса в спальне и моих клятв в верности. Я просто поняла его и стараюсь не давать повода. Марат в принципе очень властный мужчина, с ним априори не могло быть просто, но зато за ним как за каменной стеной, я забыла напрочь, что такое одиночество, когда тебя используют, забыла про финансовые трудности. Дом наш — полная чаша, несмотря на некоторые трудности из-за новых законов и санкций в отрасли его бизнеса, дети здоровые, постель ночами горячая. Что еще можно желать для счастливого брака? А минусы — они есть у всех. Идеальных людей не существует в природе.

— Ревнует — значит, любит, — ответила я ему.

— Да, любит, конечно, — опять ухмыльнулся Марк. — Только не тебя, а себя.

— Марк, ну-ка отстань от Лины! — Ольга Вячеславовна устала слушать нашу перепалку. И что привязался, действительно? — Иди, посмотри на рыбок в аквариуме и окстись. У тебя был шанс, ты его просрал. Теперь оставь в покое нашу красоту, она не тебе принадлежит. Я тебе уши лично надеру, только сунься к ней. Я тебя насквозь вижу, шельма такая. Я и думаю, чего это ты после развода резко домой захотел... Не вздумай. Ты меня понял?

Марк промолчал и отвернулся, недовольно подпёр рукой подбородок. И чего он молчит? Бабуля права, и Марк строит на меня какие-то свои планы? Всё равно ничего не выйдет, а вот ревность Марата, тем более ревность к Марку, которая имеет куда более высокий уровень, может устроить нам проблем. Надеюсь, мне показалось, что он не отвечает именно потому, что задумал что-то неладное...

Марк больше ничего не сказал и вышел на террасу, оставив нас с Ольгой и детьми. Я так и оглядывалась на него нервно, словно чувствуя от него какую-то опасность. Я словно увидела его снова под другим углом. Я знала его как хорошего, любящего парня, потом узнала как мерзкого обманщика, а сейчас он кажется мне именно опасным. Он приехал не зря. Мне не стоит оставаться с ним наедине. Марк очень изменился. Сейчас мне кажется, что я вообще его не знала, а Марат когда-то давно не просто так говорил, что я плохо знаю его брата.

Весь день Марк пробыл в доме и словно искал встречи. Зачем ему это нужно? Ничего не понимаю... Я встреч избегала. Только и мечтала, когда же мы уедем отсюда. Хорошо бы и Марк уехал после дня рождения отца, он только будет нервировать меня.

Вечером мы всё же пересеклись с ним в кухне. Я налила себе воды из графина и стояла, оперевшись о буфет, со стаканом. Марк подошёл ближе и тоже плеснул себе воды. Он не сводил своих голубых глаз с меня, заставляя меня ещё больше нервничать. Надо же, а я искренне полагала, что вся эта история и война братьев в прошлом.

— Ну, как ты сама поживаешь, Лина? — спросил он, отпив воды.

— Прекрасно, как видишь, — осторожно ответила я.

— Счастлива?

— Да.

— Рад за тебя.

— Сомневаюсь, — хмыкнула я.

— Почему же?

— Ты не похож на того, кто порадует за нас с Маратом.

— А вдруг?

— Я не верю в сказки.

Какой-то странный диалог... Непонятно о чём, непонятно для чего.

— Ты проездом? Когда обратно? — уточнила я.

— Я вернулся, — ответил Марк, продолжая вглядываться в меня. — Насовсем.

Плохо. Но виду я не подала.

— Испания не понравилась? — съязвила я.

— Надоела, — засунул он руки в карманы брюк. — Захотелось домой.

— Жена тоже надоела?

— Нет, — пожал он плечами. — Просто она не ты.

Так, начинается... Надо было сразу уходить с кухни, как только он сюда вошел. Но я надеялась на сознательность Марка, не мальчик же. Но он ведёт себя странно и непредсказуемо.

— Марк, закрыли тему и больше не поднимаем, — отсекла я и сделала шаг к выходу.

Неожиданно он просто перегородил мне дорогу, не пропуская к двери и пользуясь тем, что в доме только мы с ним, остальные все на прогулке на террасе.

— Так, и что это означает? — спросила я, подняв глаза на него. — Я не хочу с тобой общаться.

Он меня силком собрался тут держать, что ли?

— А меня ноги сюда принесли, — сказал он, впиваясь глазами в меня и заставляя меня чувствовать себя крайне неловко. Неужели это правда и через столько лет его чувства не только не остыли, но и превратились в нечто болезненное? — Сюда меня тянет. А женщины... Не хочу никого обманывать. Я устал в них искать тебя, Ангел.

На щеки опустил румянец. Ну зачем эти признания дурацкие, которые никому не нужны и не сделают никого счастливыми? Да, я знала, что он меня не забыл. Марк продолжал все эти годы мониторить мои социальные сети, ставил лайки под фото и даже иногда писал, но я его игнорировала. Его не остановила ни моя новая беременность, ни наша свадьба с Маратом. Я пресекала общение и даже не думала, что Марк вернётся обратно и так бессовестно заявит мне о своих чувствах...

— Марк, — нажала я руками на его грудь, пытаюсь убрать довольно мощное тело со своего пути. — Ты в прошлом. Оставь все эти признания для другой.

— Везёт тебе, — усмехнулся он и с каким-то ненормальным наслаждением смотрел, как мои руки касаются его, пусть даже и в таком контексте. — А ты вот осталась моим настоящим... К сожалению.

— Марк... Прекрати и больше не говори мне этого. Сделаем вид, что я ничего не слышала, договорились?

— А ты стала ещё красивее, Лина.

И он попытался меня обнять, положив руки на талию. Я возмутилась до глубины души, но не успела ничего ответить, потому что меня опередили.

— Руки убрал, пока я тебе их не сломал к херам, — раздался из-за спины Марка голос Марата.

Но Марат не стал дожидаться, когда Марк отпустит меня, и просто схватил того за ворот пиджака и отшвырнул от меня, словно он невесомый. Я испугалась. Закрыла рот ладонями и смотрела на взбешённых братьев. Я так надеялась, что это больше нас не коснётся, но Марк всё равно не сдаётся по какой-то причине... И он появился, чтобы разбить нас, разбить то, что с таким трудом мы собрали с Маратом и склеили. После этой сцены Марат изведёт меня ревностью, я знаю. Он же встал передо мной, загораживая меня своей широкой спиной, и враждебно смотрел на брата.

— Ты чё, сука? — рыкнул он, и я ощутила ещё больший страх. Я чувствую, как и всегда, мощную энергию мужа. Он зол. Он словно тигр перед прыжком. Атака. Одно неверное слово Марка, неверное движение, и Марат перегрызёт ему глотку словно косуле.

— От суки слышу, — выплюнул ему в лицо младший брат.

— Мальчики, ну вы что? — вклинилась между ними мать братьев и косо посмотрела на меня. Я прикрыла глаза, не в силах сдержать слёз. Даже Елизавета Ивановна прекрасно поняла, что яблоком раздора снова стала я, и наверняка думает, что я сама строила глазки Марку. Она всегда так считала... Наши отношения стали вроде бы теплее, но ровно до приезда её младшего сына. — Прекратите немедленно! Гриша, Гриша!! Иди сюда, они опять дерутся...

— Ты чё припёрся сюда, а, испанец ё*анный? — спросил Марат, сжав огромные кулаки. — Чтобы добить меня, да? Узнал про проблемы – и тут как тут? Нарисовался!

— Чё тебя добивать? Ты слаб. Проиграл. Ты уже и так одной ногой банкрот.

Нахмурилась. Кажется, я несмотря на то, что кручусь с мужем бок о бок, далеко не всё знаю о проблемах его бизнеса... Неужели всё так печально на самом деле, и усталость и раздражительность Марата в последнее время именно из-за серьёзных сложностей его дела?

— Как это банкрот? — спросила ошарашенно мама Марата.

— Никакой не банкрот, — смягчился он. — Да, есть сложности. Но мы пока справляемся. Это твой младший сынок свои влажные фантазии озвучивает!

— Марат, прекрати! Ты при матери говоришь.

— Факты, — рявкнула подошедшая бабуля. — Вечно выдумываешь, засранец мелкий!

— Фактов более чем, — усмехнулся Марк.

— Мы уходим, — скрипнул зубами Марат и довольно грубо схватил меня за руку, потащив за собой. — Пойдём.

— А ужин?

— Спасибо, мам, я уже по горло наелся, — буркнул Марат. — Могла бы предупредить, что ОН будет здесь!

— Марат!! — бежала она за нами до самой двери.

— Всё, мама. Дети остаются. А нам с Линой... надо поговорить наедине.

Так, а вот теперь действительно страшно... Шла за ним как баран на заклание... Бить он меня, конечно, не станет, но давить морально... Может.

Мы в полной тишине сели в машину и пристегнулись.

— Может, детей заберём? Они не собирались ночевать у бабушки, — негромко обратилась я к нему и с опаской посмотрела на мужа.

— Нет, — отрезал он, приводя машину в движение и выводя её на дорогу. — Они остаются.

Я снова замолчала, чтобы не нарываться, и смотрела в окно. Воздух вокруг так и колыхался и давил мне на плечи. Когда Марат зол, лучше его не трогать. Он мужчина горячий и импульсивный, что касается меня — так особенно, и нужно сидеть тихо как мышка, и тогда, возможно, этот шторм минует меня. Хотя... Если дело в ревности, то вряд ли...

— Мы не домой? — поинтересовалась я, когда поняла, что мы проехали поворот в наш коттеджный посёлок.

— Нет, — ответил сухо Марат.

— А куда?

— Узнаешь, — снова скупно сказал он.

Сердце забилось от тревоги. Куда мы едем? Почему он ничего не говорит? Что задумал мой муж в приступе ревности?

ГЛАВА 4.

Оставшийся пусть я молчала, потому что сейчас говорить бессмысленно, Марат не станет ничего слушать, и мы только поругаемся ещё сильнее. Нужно дождаться, когда мы приедем, возможно, он поест и выпьет, и захочет со мной поговорить.

Я испугалась немного, но потом отмела страхи. Мой муж никогда не был извергом. Если мы куда-то поехали, значит, ему это нужно. Сердце всё ещё трепыхалось в груди, но я уговаривала себя не бояться, помнить о том, что Марат всегда был жёстким, но справедливым, а я ни в чём не виновата. Я не флиртвала и никак не привлекала внимание Марка, и даже не знала, что он вообще приехал в Россию. Мне и в голову не могло прийти, что он будет вести себя со мной настолько паскудно! Его поведение не входит ни в какие адекватные рамки, и я точно не виновата в том, что произошло. Оправдываться мне просто не в чем. Остаётся лишь надеяться на мудрость моего мужчины.

Осторожно глянула на него из-под ресниц. Лицо хмурое и задумчивое, руки напряжены и сжимают руль слишком сильно. Энергетика просто бьёт по голове. Он кричит тихо, он кричит молча, но это громче и больнее для меня любого физического крика. Если плохо ему, то плохо и мне. Мы ведь с ним теперь одно целое...

Беспокоюсь и за детей. Арсюша очень не любит, когда мы оставляем его в доме родителей Марата или у моего отца так внезапно. Он будет расстраиваться, плохо спать и обижаться на меня, после того как мы заберём их обратно. Алиса относится к этому более спокойно, она не столь привязана к родителям, наверное, в силу более старшего возраста, но тоже воспримет без энтузиазма то, что мы так срочно уехали, даже не поцеловав их на прощание.

Мы остановились практически в лесу, возле какой-то богатой усадьбы. Молча пошла следом за Маратом, с интересом разглядывая местность. Это явно какое-то заведение, очень дорогое и красивое. Тут даже есть пруд... Вывеска гласила "Отель-ресторан "Сосновый Бор"". Марат привёз меня в ресторан...

Мы остановились возле прудика и стали смотреть на воду. Вода всегда успокаивала моего мужа. Я же стояла рядом, но молча. Я боялась вызвать его гнев и ждала, когда он начнёт разговор сам.

— Почему мы именно здесь? — решила тихо спросить я его, когда созерцание воды начало мне надоедать.

— Есть хочу.

— Есть? — удивилась я.

Как-то после такого скандала тихий семейный ужин не укладывался у меня в голове.

— Я не поужинал из-за уroda.

Промолчала и поджала губы. Как же всё неприятно вышло...

— Сегодня у нас годовщина, — сказал он, кидая очередной камешек в воду. — Ты забыла?

Я мягко улыбнулась.

— Помню, конечно, — ответила я. — Как я могла бы забыть? И даже подарок приготовила. Только он дома остался. Как-то поздравления сейчас неуместны были бы, наверное...

— И я тебе сюрприз хотел сделать. Забрать от родителей, от суеты и провести ночь и утро здесь, в красивом сосновом бору.

— У тебя получился сюрприз, милый, — снова улыбнулась я ему и коснулась его руки.

Он сжал её в ответ, но не улыбнулся. Всё ещё злится. Но главное, что он не решил, будто я решила его предать, иначе бы не говорил сейчас со мной. С души будто свалился огромный валун. Но судя по его глазам, разговор нам всё же предстоит, и злой он всё ещё основательно.

— Ну, пойдём, — приобнял он меня за талию, глядя серыми глазами прямо в мои. — Хочу тебе сказать кое-что.

Мы прошли в зал, где располагался ресторан. Марат помог мне сесть и устроился напротив. Столик в отдалении. Очень уютно, тихо. Плеск воды за окном очень успокаивал. Хорошо, что мы приехали именно сюда. Возможно, нам удастся не поссориться.

Мы выбрали блюда, а пока их готовили, на аперитив принесли наше любимое красное вино. Официант разлил вино по фужерам и поставил возле нас. Марат задумчиво взял свой бокал в руки, а потом посмотрел на меня. Ощувив его взгляд на себе, я подняла голову и встретила с родными серыми глазами. Самыми любимыми глазами на свете, которые сейчас смотрели с подозрением и словно видели меня насквозь.

— Прежде чем я произнесу какие-либо поздравления, скажи мне, что здесь делает мой брат?

Уставилась на него, не мигая. Он смотрел в ответ. Поединок глазами. Серые против карих.

— А почему ты спрашиваешь об этом МЕНЯ? — изогнула я бровь. — Твой брат, не мой же.

— Почему ТЕБЯ? — усмехнулся он.

Чёрт, что происходит? Руки невольно опять дрожали. Что он так говорит со мной, словно я и в самом деле в чём-то виновата?

— Почему меня, да, — повторила я. — Я откуда должна быть проинформирована о его перемещениях?

— Потому что он тебе пишет, — сказал Марат, снова впиваясь в меня глазами.

Нервно сглотнула.

— Ты думала, я не знаю? — спросил он, глядя на меня так, словно готов был прожигать одним только взглядом. — Я всё о тебе знаю, милая.

— Ты...за мной следишь? — спросила я, пытаюсь подавить гнев, который поднимался внутри. — Тогда ты должен знать и то, что я не отвечаю ему.

— Это пока, — поднял он брови вверх.

— И никогда не отвечу, — стояла я на своём. — Он мне не интересен уже давно. Мы расстались ещё при тебе. Когда ты... взял меня обманом в доме собственных родителей.

— Обманом? — усмехнулся Марат. — Ты прекрасно поняла, что это не Марк тебя собрался трахать.

— Не сразу.

Он вдруг придвинулся ближе и сжал мои пальцы своими горячими и большими.

— Но поняла. И стонала так, что мне было очевидно, как тебе хорошо. Хорошо со мной.

На щёки лёг румянец. До сих пор стыдно за это поведение в доме тогда еще моего жениха Марка и его старшего брата Марата. Столько лет прошло, но я всё ещё не могу говорить об этом спокойно. Я виновата перед Марком, это так. Но я уже ничего изменить не смогу. Да и не хочу.

— Мне хорошо с тобой, да, — кивнула я. — Хоть ты и поступил тогда со мной как истинный засранец. Но я простила тебя. Приняла. Родила тебе двух детей. Тогда причём тут твой брат? Я люблю тебя, Марат. Только тебя...

Протянула руку через стол и провела пальцами по его щетине. Ласково, игриво, словно кошка лапкой. Он напрягся. Глаза тут же потемнели. Женаты больше трёх лет, а он всё ещё заводится от одного моего касания. Вздрыгнула, когда Марат неожиданно перехватил мою руку, довольно грубо и отодвинул от себя.

— Ты мне не сказала сама, что он тебе пишет.

— Откуда ты вообще это узнал?

— Какая разница? — отмахнулся он. — У меня есть свои источники. Почему ты мне не сказала, Лина? Тебе льстит его внимание?

— Да ничего не льстит!

— Льстит, раз не сказала.

— Не сказала вот поэтому! — Я указала на него рукой.

Муж вопросительно смотрел на меня, продолжая пытаться и сжигать на костре глазами.

— Потому что ты начнёшь ревновать... — тихо сказала я и собрала пальцы в замок, чтобы заставить их прекратить так сильно дрожать. — Я не выношу твою ревность. А к Марку ты всегда ревнуешь особенно сильно.

— Зная это, ты скрыла, что мой брат по-прежнему в тебя влюблён и ищет контакта? Логично. — Включил сарказм Марат.

— Я не знаю, влюблён или нет, я просто не хотела скандала.

— И поэтому скрыла? Это ложь, дорогая. Почти предательство, — говорил он осторожно острые как нож слова, которые тут же впились в моё сердце. Больно... Я никогда не предала бы тебя, дурак. Для меня не существует других мужчин! Но для Марата это не аргумент.

— Я промолчала, а не солгала. И никого не предавала, — ответила я, пытаюсь сохранить спокойствие. Иначе он подумает, что я в самом деле что-то скрываю...ценное для себя. — Марк ничего не значит для меня больше, так же как и его попытки общаться. Я блокирую его, но он потом писал с других аккаунтов. Я не могу заставить его этого не делать.

— Могу я. Но ты не сказала. Значит, тебе это нравится.

— Марат, — отставила я в сторону свой бокал. Какое уж тут вино! — Я тебе уже сказала, что Марк ничего для меня не значит. Я люблю тебя. Я выбрала тебя. Я выбрала тебя ещё тогда, шесть лет назад. Если бы я хотела быть с Марком, я бы давно могла выйти замуж за него.

— Тебя сейчас держат дети, — заявил он невозмутимо. — Ты прекрасно знаешь, что я тебе их не оставлю, если поймаю на измене. Я этого на дух не выношу и никогда не прощу. Мы договорились об этом в брачном договоре.

— Когда я подписывала его, то совершенно не боялась того, что такая ситуация наступит, — сказала я. — Я не собиралась тебя предавать ни тогда, ни теперь! И сейчас ты ранишь меня, напоминая о том, что может забрать детей.

— А ты меня сейчас не ранила? — спросил он. — Я на грани, Лина. Сначала ты молчишь о том, что он тебе пишет, потом не можешь избежать того, что он тебя лапает.

— Это несправедливо, Марат, — покачала я головой. На глаза стали наворачиваться слёзы. — Он пришёл на кухню сам и перегородил выход.

— Почему не стала кого-то звать?

— Я не думала, твой брат настолько псих! Я пыталась уйти сама, но не успела — пришёл ты и увидел, как он тянет ко мне свои руки.

— И это было отвратительно.

— Я знаю. Марат, пойми... Я просто не хотела скандала. Я так надеялась, что эта война в прошлом. Откуда мне было знать, что он так начнёт себя вести. Он не нужен мне!

— Так вот тебе новость, милая, — он снова придвинулся ближе и заглянул в мои глаза. — Марк что-то задумал. Он приехал тогда, когда у меня большие проблемы в бизнесе. Он будет бить по всем фронтам. По тебе тоже, возможно. Ты ему, возможно, и не нужна, ты как способ, чтобы насолить мне. Не вздумай ему верить и слушать его. Не позволяй ему разрушать нашу семью. А если бы ты сказала мне заранее, что он тебе пишет, я бы предупредил тебя об этом раньше. А теперь давай поужинаем. Я очень голоден.

Стало очень неловко. Так я и думала, что Марк тут не просто так и развернул уж слишком бурную деятельность. Но не догадывалась, что могло всё повернуться даже так, что он попытается использовать меня как пешку в своей игре против Марата. Он принялся за свою порцию, а я свою лишь поковыряла вилкой — еда просто не лезла в горло...

— Прости, Марат, — ответила я после некоторых раздумий. Сжала его руку в ответ. — Ты думаешь, всё настолько серьёзно?

— Возможно, — ответил он. — Ты... не всё знаешь. Я тоже тебе сказал не всё. Но тогда это было неважно.

— Что ты мне не сказал? — нахмурилась я.

— Что Марк уехал не сам.

— Вот как? — подняла я брови вверх.

— Я его заставил. А сейчас моё влияние сильно снизилось. Он может захотеть... отомстить, элементарно. Благородства от него ждать не стоит, ты сама знаешь.

— Знаю, конечно, — забарабанила я по столу пальцами. — Ну и зря не сказал. Я бы тем более с ним даже общаться не стала. Надо было мне сразу уехать, едва я его увидела.

— Да, скорее всего, так было бы лучше всего.

— Марат, — сплела я свои пальцы с его. — Не ревнуй меня к нему. Всё в прошлом.

— У меня не получается, — ответил он и в его глазах словно понеслись картинки прошлого. Как я выбирала между ними, не сказала о рождении дочери, как он был уверен, что я вышла замуж за его брата, как его уже предавали бывшие жёны до меня... Да, ему трудно снова кому-то верить. А тут я, которую он так сильно любит, и к которой подбивает клинья тот, кто нам крови в своё время и попортил... — Я хочу тебе верить, Лина. Но тогда слушай меня, пожалуйста. Говори о таких вещах. Иначе... у нас не выйдет с тобой семьи. Ревность меня сожрёт. Не давай повода, девочка моя. Помоги мне тоже.

— Я не дам повода, — заверила я его с горящими глазами. — Не сомневайся во мне. Ты мой муж, моя семья, моя жизнь... Мне не нужен никто другой.

— Хочу доказательств, — сказал он таким же тоном, как ранее о недоверии.

— Каких?

— В номере покажешь, — усмехнулся он и поднялся на ноги. Потянул меня за руку, чтобы я шла за ним.

Я послушно шла за ним. Нет, я вовсе не против утолить жажду своего мужчины. Не против, что он таким способом ищет подтверждения моей к нему страсти. Он хочет знать, что он по-прежнему для меня самый желанный, и я вполне готова ему это доказать. Я обожаю, когда он наслаждается моим телом и моими ласками. Именно тогда мы с ним становимся единым, именно тогда моё сердце действительно разрывает от любви и чувств к нему.

Мы вошли в номер и оказались в полутьме тусклого света, который реагировал на движение в небольшом холле. Марат потянул меня дальше, вглубь номера к огромной двуспальной кровати. Мы остановились возле неё и он, глядя пристально в мои глаза, стал снимать пиджак, галстук... Затем подошёл ко мне и поднял вверх моё лицо. Он смотрел немного дико и безумно, это всё отголоски ревности. Но мне это нравится. Именно в те дни, когда у Марата случались приступы ревности, он трахал меня особенно горячо, до изнеможения. Нам обоим это в удовольствие...

Он провёл большим пальцем по моим губам и надавил на нижнюю, немного опуская её. Скользнул подушечкой пальца внутрь, где я уже встречала его кончиком языка. Он шумно вздохнул. Его возбуждает каждое моё эротичное касание, ласка языка и даже просто взгляд в моменты секса. И сейчас он хочет ощутить надо мной свою власть. Но надо мной ли эта власть? Возможно, всё наоборот, и это я владею его телом и душой в моменты откровенных ласк?

Он припал к моим губам в довольно жёстком, голодном поцелуе. Скользнул в мой податливый рот своим горячим языком и стал по-хозяйски ласкать меня своим — немного грубо, дико. Так умеет только он... Я застонала, запрокинула голову назад, а он намотал мои длинные волосы на свой кулак, заставляя меня держать голову так, как ему бы хотелось. Внизу живота

всё стало скручиваться в тугую спираль, ожидая разрядки и предвкушая её. Неосознанно свела бёдра вместе в попытках найти успокоение. Но его мне даст только он, и даст только тогда, когда захочет мне это дать.

Почувствовала, как молния платья на спине стала расходиться и вскоре мои плечи оказались оголены. Обнаженной груди коснулся прохладный воздух осеннего вечера и соски тут же затвердели. Они привлекли внимание мужа. Он опустил пальцы на мою грудь и мягко, но настойчиво сжал её, а потом отпустил и под мои стоны сосредоточился на сосках. Его пальцы гладили их, нежно оттягивали, слегка выкручивали, заставляя спазмы по моему животу расходиться всё сильнее в нарастающем желании. Я вплела пальцы в его жёсткие волосы и подставляла ему своё полуобнажённое тело. Целуй, целуй же меня, Марат, я так тебя хочу... Я так люблю тебя. Безумно, жертвенно, по-настоящему.

И он целовал. Ласкал губами мои плечи, линию ключицы и грудь, немного не доходя до ареолы, словно играя со мной. Я же неосознанно тянула его голову к эпицентру удовольствия на моей груди, и он взял один из сосков в губы. Мой негромкий и томный стон нарушил тишину комнаты и перебил наши тяжёлые дыхания. Я сомкнула веки и с дрожащими ресницами чувствовала.

Язык прошёлся по соску, ещё раз и ещё. Настойчиво облизывал его, губы втягивали нежную чувствительную кожу в себя, ходили по нему, заставляя меня уже просто дрожать от напряжения.

— Не могу... — прошептала я и развела ноги шире, взяла за руку мужа и положила её на своё бельё. — Пожалуйста... Хочу кончить. Сейчас.

Марат закинул мою ногу себе за спину и, крепко удерживая её под колено, другой провёл по кружевам моих трусиков, которые были уже очень влажными.

— М-м... Да...

Он провёл ещё несколько раз пальцами по белью, а потом резко скользнул прямо в него, отодвинув ткань в сторону.

— Да.... Марат... Дальше, — просила я, словно пытаюсь сделать так, чтобы его пальцы оказались внутри меня и уже начали эти движения. — Трахни меня.

— Обязательно, — ответил он хрипло и надавил на клитор сильнее, получив мой новый уже полуобморочный перед оргазмом стон. — Ты сегодня получишь по полной, Багира.

Его большой палец надавил на клитор в одной точке и стал массировать его по кругу. В одну сторону, затем в другую. Мягко, более жёстко, ещё жёстче... Когда его палец скользнул в меня и стал двигаться, растягивая стенки, а губы снова поймали мой торчащий от удовольствия сосок, я вскрикнула и задрожала в его руках. Волны оргазма раскатывались по телу так сильно и мощно, что ему пришлось меня держать, пока я в неадекватном состоянии кричу, впиваясь в его плечи и просто не могу даже стоять, повиснув на нём.

— Да... Да, — пыталась я отдышаться.

Тело наполнилось ощущением эйфории, лёгкости и умиротворения. Но расслабляться мне никто не даст. Теперь Марат захочет получить свой оргазм. А когда он зол, то хочет много и долго, и пока не получит несколько оргазмов подряд, спать в этой комнате никто не ляжет.

— Ты всегда красиво кончаешь, Принцесса, — шептал он мне, делая поступательные движения в моё дрожащее бёдро членом, который пока ещё был облачён в брюки, но напряжён до неприличия. — Я это ещё на заправке понял, когда ты впервые увидел тебя.

— Правда?

— Да.

— И о чём ты подумал?

— Что хочу тебя трахнуть.

— Ты и дальше об этом думал постоянно. Я в твоих глазах прямо видела, как ты меня уже разложил на столе в своём кабинете генерального директора и моего босса и отымел меня.

— Так и было, — хмыкнул он. — Я постоянно со стояком сидел, потому что в мою голову так и лезла ты с голыми сиськами и в этих ох*енных чулках...

Марат прошёл по моей ноге в капроне, а потом отпустил мою дрожащую ногу. Стянул с меня платье совсем. Я осталась в одних чёрных чулках, туфлях и трусиках. Одним движением расстегнул ремень и ширинку брюк, чуть спустив их. Надавил на мои плечи, чтобы я встала перед ним на коленях, и я сделала это, глядя словно Багира в любимые мною серые глаза.

Мои волосы снова намотал на кулак и сжали почти у самых корней, а я сама потянулась к боксёрам. Вынула твёрдый член из белья и провела по нему пальцами. Лёгкие касания, словно бабочка летела мимо и задела его крыльями. Потом обхватила ствол рукой более уверенно и стала водить вдоль него. Глаза Марата стали совсем ослепшими, он их закрыл и откинула голову назад. Он тяжело дышал и наслаждался тем, что я делаю с его телом. Именно в эти моменты орального секса грань между силой и властью Марата и моей нежностью и ведомостью стирается. Я владею им, а не он мной. И мне это нравится!

Я склонилась ниже и вобрала его плоть в себя. Мои губы ласкали головку, затем перешли дальше и скользили по стволу напряжённого члена, заставляя теперь уже его напрягать все мышцы, снова сжимать в кулаке мои волосы и глухо стонать. Глубже, ещё глубже... Годы брака научили меня делать это идеально, так, как он любит, так, чтобы он кончал бурно и получал максимум удовольствия. Только с небольшим отступлением — я не люблю принимать сперму в себя. На самом пике он выходит из меня, чтобы не причинять мне дискомфорт, и за это я очень ему благодарна. Мой муж тоже достаточно хорошо знает моё поведение и предпочтения в постели...

Я вбирала его член в себя насколько могла, снова втягивала словно вакуумом и наслаждалась его реакцией. Марат сжимал мои волосы у корней, гладил кожу под ними и вознаграждал меня откровенными стонами. На пике возбуждения он резко вышел и стал сам быстро водить рукой по стволу, пока сперма горячим потоком не оросила мою обнажённую грудь. Едва он отдышался и позволил мне вытереть с себя следы его оргазма, как Марат, скинув с себя остатки одежды и туфли с меня, опрокинул меня на кровать и перевернул на живот. Его любимая поза, так он входит максимально глубоко, так я кричу максимально громко.

Он вошёл в меня одним движением, до самого основания, и стал двигаться, удерживая руками мои бедра. Одна его рука осталась на бедре, когда он набрал темп, а вторая вернулась к моим соскам. Мужские пальцы ласкали то один, то другой, то перемещались на клитор и давили на него, массировали, заставляя меня ощутить новый прилив желания, новый приближающийся оргазм. Марат закусил мочку моего уха и вбивался в меня сзади. Я ощущала себя пойманной за шкурку кошкой, которая попала в полную власть огромному сильному коту, ей не выбраться из его мощных лап, пока кот не насытит все своим похотливые желания... Но меня это только больше распяляло. Я подставляла попу навстречу ему, сама насаживалась глубже на его член и сходила с ума от этих безумных и безудержных толчков внутри меня, которые доводили до настоящего сумасшествия, которые выбивали весь воздух из лёгких, заставляли стонать и унести из реальности куда-то далеко.

Я опять дошла до точки первее. Мои бедра дрожали, пока меня били сладкие судороги, пальцы мяти простыни, влажные волосы упали на мой лоб и прилипли к губам, а я просто летала без крыльев. Мой... Только мой. Это мужчина принадлежит исключительно мне...

Марат, увидев мой оргазм, позволил и себе расслабиться. Его член спустя несколько глубоких и резких фрикций стал пульсировать прямо внутри меня и изливаться спермой. Марат прекратил движение только тогда, когда оргазм его отпустил. Он шумно выдохнул и поцеловал мою спину, пройдя по позвоночнику губами вниз и заставляя меня снова выгнуться.

— Никакого Марка рядом. — Мои волосы в который раз за сегодня натянулись под натиском мужской руки, подбородок подняли вверх сильные пальцы другой. Он развернул меня

лицом к себе. Я встретила с его серыми, но все ещё темными от желания и удовольствиями, глазами.

— Неужели ты думаешь, что после тебя я захочу кого-то ещё? — спросила я.

Мои волосы натянулись сильнее. Взгляд Марата стал куда более жёстким.

— Ты моя, Лина. Если я увижу его с тобой — я уничтожу вас обоих. И разрушу твою жизнь.

— Марат, ты... Ты меня пугаешь сейчас, — выдавила я из себя.

Впала в полнейший шок. Он ревновал меня и раньше, но ему всегда хватало горячего секса, чтобы успокоиться и убедиться, что я принадлежу только ему. Но не в этот раз. Серые глаза строго смотрели на меня. Он не шутит. Говорит абсолютно серьёзно. Я прекрасно знаю, что если этот человек что решит — обязательно это сделает. Ну а злить Марата я вообще никому не советую... Но я никогда не думала, что однажды свой тяжелый нрав и большую власть и влияние он обрушит непосредственно на мою голову в полной мере. Вспомнился случай на кухне в доме моего отца. Тот вечер, когда Марат узнал, что я скрыла от него дочь. Он был очень зол, жесток и решительно настроен на войну в случае моего отказа принять его отцовство. Он бы ни перед чем тогда не остановился, я знаю.

— А ты не делай ничего плохого, — ласково провёл он пальцами по моей щеке. Выражение его лица заметно смягчилось. Возможно, он понял, что сейчас палку перегнул. — Тогда и последствий не будет.

— Ты сейчас серьёзно? — покачала я головой.

Хотела услышать, что нет, несерьёзно. Пусть лучше такая неуместная, злая шутка, нежели то, что он думает так на самом деле.

— Разве я похож на шутника? — свёл он сурово брови вместе.

— Как ты можешь со мной так говорить? Я тебя разве хоть раз обманула, променяла на кого-то?

— Нет.

— Но речь о Марке, а он всегда был тебе занозой в заднице, так?

Я вспыхнула. Вывернулась из его рук и села дальше от него. Я очень люблю его, в нашей паре я та, что идёт за ним и отдала ему главенство. И я очень долго терпела его порой необоснованную ревность. Он мог разозлиться из-за официанта в ресторане, который мне, просто из желания заработать чаевые, улыбнулся, или прохожего, сделавшего комплимент мне, мимо проходящей стройной молодой женщине. Но так топтать я себя не позволю. Это уже слишком.

— Лина... — Покачал он головой. — Снова эти твои слова. Надеюсь, ты не учишь им наших детей?

— Не учу, — фыркнула я. — Я похожа на идиотку, по-твоему?

— Не похожа, — покачал он головой. В его глазах появилось еле заметное веселье. Ему нравится, когда я на эмоциях. — Иначе я бы не женился на тебе.

Помолчала какое-то время, потом высказала то, о чём уже давно думала.

— Женился, да. Только сердце твоё для меня закрыто до сих пор. Ты не доверяешь мне.

— Почему же, это не так.

— Не обманывай сейчас себя и меня, — произнесла я, устремив взгляд в окно. — Ты знаешь, что это уже давно происходит между нами. Я всё ждала, когда же ты перестанешь сравнивать меня с бывшими жёнами, поймёшь, что я не из тех, кто предаёт, особенно после того, что мы с тобой прошли. И начнёшь мне доверять. Но вместо этого я слышу упрёки и угрозы.

Теперь молчал Марат. Переваривал то, что сказала ему я. Он понимает, что мои слова небезосновательны. Он действительно ревнует довольно часто.

— Но ты вышел на новый уровень — ты угрожаешь мне, Марат, — я повернулась к нему и заглянула в его глаза. — Я тебя не узнаю. Мы прожили три года, но я до сих пор не понимаю, почему ты так ревнуешь... Я не давала повода.

— Как вспомню его лапы на твоей талии, — сказал он, сжав плотно кулаки. — Так и хочется ему морду разбить так, чтобы ни один пластический хирург не залатал обратно.

— Так и говори ему! Зачем ты гнобишь за внимание Марка меня? Я его об этом не просила. Я не люблю его. Он мне противен.

— Почему тебе говорю? — усмехнулся он. — Не понимаешь, да?

— Нет, не понимаю.

— Чтобы тебе не пришлось в голову, что можно ответить ему и наставить мне рога, пользуясь тем, что я тебя очень сильно люблю. От женщины зависит отношение к ней мужчины и его с ней поведение. Помнишь, я когда-то тебе так сказал на мосту влюблённых на островах?

— С чего ты взял, что я пошла бы на такое?

— А я откуда знаю, что в твоей прелестной голове твориться может? Ты молодая, красивая, а Марк так же сходит по тебе с ума, как и раньше.

— Это его проблемы.

— Но его лапы на твоей талии стали проблемами нашими, дорогая.

— Мы вернулись к тому, с чего начинали, Марат, — вздохнула я и обхватила себя руками. Мне вдруг стало так обидно и холодно. Верно говорят, что идеальной любви не существует, как не существует её и без разочарований. — Ты мне не доверяешь. Ты сравниваешь меня с ними. Но я — не они!

Мы ещё долго спорили, оставаясь каждый при своём. Я не понимала претензий Марата, он не понимал, почему я их не воспринимаю. Легли спать по разным сторонам кровати. Марат всё же пошёл навстречу первым и придвинулся ко мне. Обнял со спины, прижав меня к своему горячему сильному телу. Я делала вид, что сплю. Обнимать в ответ его мне сейчас не хотелось. Я слишком обижена на него за грубые слова.

На самом же деле не спала почти до самого рассвета. В голове крутились ужасные сценарии, как он забирает детей и жестоко обращается со мной, потому что Марк нашёл способ убедить его в измене. Надеюсь, это просто мои страхи, а не голос интуиции.

Утром мы тоже почти всё время до выезда обратно в город молчали. Он пытался со мной говорить, но я отвечала коротко, холодно и отстранённо. От поцелуя я тоже отказалась, на что получила новый, острый как нож взгляд.

А как ты думал, родной? Ты мне будешь говорить такие вещи, а я — смотреть молча в пол?

Возможно, Марат считает, что раз я родила ему детей и признала, что люблю его и готова идти за ним, то буду принимать абсолютную его правоту во всех вопросах. Думает, что я слабая и без чувства достоинства? Это вовсе не так. Но поднимать конфликт мне не хотелось. Я ждала, что мой муж извинится передо мной за своё поведение и скажет, что больше никогда не произнесёт тех страшных и злых слов, что я слышала этой ночью. Но время шло, а Марат молчал. Он чувствовал себя правым и не понимал, как ранил меня этими словами. Или понимал, но считал, что цель оправдывает средства.

В машине тоже царило молчание и напряжение. Так себе мы отметили годовщину свадьбы. Я тихонько смахивала слёзы с глаз. Совсем не так я представляла себе наш маленький и такой ценный для меня праздник.

— Я сейчас заеду за детьми, соберешь их быстренько, — нарушил тишину в салоне Марат. — Отвезу вас домой, а потом у меня встреча.

— В выходной? — угрюмо спросила я. Дети будут опять тосковать, если он умотает до ночи на работу даже в воскресенье. Да и я тоже, хоть и обижена на его несправедливость ко мне.

— В первый раз, что ли, Лин? — хмыкнул он. — Ты же знаешь, что сейчас не время для отдыха.

— Знаю.

— Ну вот.

— Ты мне расскажешь, что у тебя случилось на самом деле, Марат? — спросила, взглянув на него.

— Расскажу. Чуть позже, — посмотрел он на меня в ответ.

В сумке зазвонил мой мобильный, прерывая наш диалог. Вынула из сумочки аппарат и увидела, что звонит отец.

— Да, пап. Да, в машине, едем с отдыха с Маратом. Не знаю даже, а что случилось? Как? А запасной? Папуль, ну ты опять? Мы же договаривались, что у тебя будет всегда запасной. Совсем сломался? Понятно. Нужно было с этого начать диалог, пап. Скоро привезу. Жди.

Повесила трубку и снова повернулась к Марату.

— У папы сломался ингалятор, и запасного опять нет. Дашь мне машину? И детей забери сам тогда.

Он кинул на меня взгляд серых глаз и свернул на повороте, который вёл в сторону посёлка моего отца.

— Поехали.

— А как же встреча?

— Да в задницу её. Перенесу. Вдруг твоему отцу станет плохо?

Он набрал скорость, и мы вскоре оказались у аптеки. Пока я покупала отцу лекарство вместе с новым, запасным баллоном, Марат перенёс встречу, которая теперь срывалась из-за папы. Он болен астмой. Приступ мог начаться в любой момент, и если под рукой не окажется хорошо работающего ингалятора, то этот приступ мог стать последним. Марат уверенно ехал по трассе, крепко сжимая руль и выжимая из машины максимум для оживлённой дороги.

Он видел, как я переживаю, и старался поскорее довезти ингалятор моему отцу. Я протянула руку и сжала его большую и сильную ладонь на руле. Он мягко ответил мне, и мы встретились взглядами. Вот за что я люблю его и благодарна до глубины души — когда наступает какая-то серьёзная ситуация, Марат всегда за меня, всегда поможет. Без лишних слов. Семья для него всегда на первом месте.

ГЛАВА 5.

Вскоре мы оказались возле дома моего отца. Вошли по знакомым нам обоим ступенькам и постучали. Папа открыл спустя некоторое время.

— А вот и мои дорогие. Заходите.

Он пропустил нас в небольшой холл, отступив вглубь дома. Я прошла внимательным взглядом по отцу. Осунулся как-то и очень бледный. Понимаю, что возраст рано или поздно возьмёт своё, как бы это ни было прискорбно признавать, отец не молодеет. Но выглядел он сегодня, прямо сказать, нездоровым.

— Пап, — обратилась я к нему, вручая несколько новых ингаляторов. — Ты как себя чувствуешь?

— Нормально, — ответил он, но по глазам я поняла, что он не говорит правду. То ли это просто лёгкое недомогание, и он не хочет меня этим беспокоить, то ли... Нет, о чём-то более серьёзном не хочу думать. Просто мужчины все склонны играть в героев.

— Давай-ка давление померяем, — сказала я, вынимая из аптечки тонометр. — Садись.

— Да не нужно, Лин, — улыбнулся он. — Со мной всё в порядке. Давайте я вас лучше своим чаем напою.

— Обязательно напоите, Павел Сергеевич, — подключился ко мне Марат. — Но сначала — давление. Ваша дочь права.

Отец вздохнул и, не выдержав двойного пресса, сел на диван и протянул мне руку, закатав рубашку до плеча. Я подключила к нему аппарат, нажала кнопку и стала ждать результат.

— Пап, ну высокое же! — воскликнула я. — Ты с ума сошёл — с таким давлением ходить? Как там называются твои таблетки?

Он сказал название, и я принялась искать в аптечке теперь их. У отца в последнее время гипертония развилась, но единственное, чего мы от него добились — это похода к врачу и приёма выписанного ему препарата, и то через раз.

— На, — я протянула ему таблетку и стакан с водой. — Пей.

Он послушно принял пилюлю и запил её принесённой мной водой.

— Опять не пил, как указано в рецепте?

Отвёл глаза.

— Пап, — покачала я с укором головой. — Ну, так нельзя. Тебе нужно регулировать давление, это же очень серьёзно. Меня ругаешь, когда я не слежу за здоровьем, а сам делаешь точно так же.

— Линуль, — мягко улыбнулся он, глядя на меня с любовью. Ну как так такого ругаться можно? — Ты же знаешь, что жить в доме не так просто. Хозяйство же, то одно, то другое. Я просто забываю. Кстати, у меня там у кроликов не почищено...

— Лежи уже, какие кролики...

— Я помогу, — вызвался Марат и снял с себя дорогой пиджак. — Всё почищу.

Я глянула на него и почувствовала гордость за своего мужчину. Всё же он у меня большой молодец и настоящий мужчина. Марат часто помогает отцу, когда мы приезжаем сюда. Он довольно немало берёт на себя во время наших визитов. У него здесь есть комплект одежды для работы во дворе. Здесь какой-то особенный воздух и романтика тихого посёлка. Здесь прекрасно спится, ну а папин чай и варенье ничто нам уже не заменит.

Марат переоделся и вышел во двор, а мы с отцом остались наедине.

— Когда в больницу загремишь, будет поздно помнить, — нахмурилась я. — Не заставляй меня звонить тебе и напоминать.

— Ладно, не шуми, — отмахнулся отец. — Я постараюсь не забывать. Я полежу, а ты иди, чай завари пока.

Я помогла ему поудобнее устроиться на диване в гостиной и негромко включила телевизор. Ушла в кухню и поставила на газ чайник. Подготовила травы в чайничке, наложила варенье в вазочку — то самое, из крыжовника. Марат его очень любит. Вдохнула, усевшись на стул возле окна. Дома так хорошо. Уютно, спокойно. Мне уже тридцать, а я всё ещё люблю просто приезжать к папе на чай, привожу сюда и детей. Несмотря на то, что мы сами живём в респектабельном коттедже, мы все обожаем проводить время у бабушки. Здесь совсем другие улицы, пропитанные романтикой деревни, а наш элитный посёлок выглядит слишком уж современным.

Закипел чайник и засвистел на всю кухню. Я налила кипятка в чайничек для заварки и накрыла травы крышечкой. Надо им дать настояться, чтобы вкус чая был насыщенным. Глянула в окно и увидела Марата. Он старательно ухаживал за кроликами. На лице ни капли брезгливости. Словно он был рождён в деревне, а не являлся большим боссом строительной фирмы. Уже не юнец далеко, а всё же очень красивый мужчина. До сегодняшнего дня мне казалось, что я с ним счастлива, несмотря на его иногда переходящую рамки ревность. Списывала это на любовь, как и многие женщины. Но я отчасти понимаю поведение Марата сейчас — он не доверяет не столько именно мне, сколько Марку. Но всё равно он ко мне сейчас несправедлив. Возможно, его так деморализовали проблемы в бизнесе. Но об этом мы поговорим позже. Я должна разобраться, что с ним творится в последнее время.

Я вернулась в комнату к отцу и принесла ему чай. Помогла принять сидячее положение и села рядом.

— Ты какая-то грустная, Линочка, — тут же заметил папа. От него ничего не скрыть.
— Что-то случилось?

— Как тебе сказать? — пожала я плечами. — Наверное, да.

— Что такое?

Я мягко улыбнулась, не зная, стоит ли отцу знать. Но ведь он всегда давал мне дельные советы, а мне так хочется с кем-то поделиться. Так вышло, что подруг после Любы у меня особенных так больше и не появилось, и единственные люди, с которыми я делюсь личным — папа, Марат и бабуля мужа.

— Марк вернулся, пап.

Отец резко сел на диване, уставившись на меня. Даже он понимает, что это не радостное событие для всех нас...

— Ты из-за Марка такая встревоженная? — нахмурился отец.

— Да, выходит, что так...

— Что он уже успел натворить? Он же женился и уехал, — ворчал папа, который даже привстал на диване, настолько ему не нравились эти новости.

— Как уехал, так и приехал, — сказала я, глядя в стенку. Ну как отцу рассказать, что эта война, которая, казалось бы, уже давно канула в лету, вдруг разразилась снова?

— Он проездом? — уточнил папа.

— Если бы, — удручённо покачала головой я. — Он вернулся насовсем.

— Странно, — почесал он в седом затылке. — Почему именно сейчас?

— Да вот и мы с Маратом тем же самым вопросом задаёмся.

Папа перевёл на меня внимательный взгляд.

— Думаешь, время выбрано не просто так?

— Думаю, да, — кивнула я. — У Марата уже довольно неладно в бизнесе, из-за новых санкций и длительного закрытия границ, так что... Он сейчас в очень сложном положении находится и может прогореть. Я боюсь, что Марк, припомнив Марату всё самое лучшее, может сейчас воспользоваться ситуацией и попытаться отомстить.

— Так вот почему твой муж в последнее время сам не свой, — подпёр подбородок рукой папа. — Так и подумал, что с бизнесом что-то не то, но спрашивать было неудобно. Он не любит подобных вопросов.

— Да, это очень на нём отразилось, — вздохнула я. — Мы стали гораздо чаще ссориться. У него сам по себе характер не сахарный, а тут ещё он постоянно на нерве, замороженный и уставший. Не хватало только Марка сейчас! Как ты понимаешь, мужчины снова поругались, встретившись в родном доме.

— Почему ты сразу думаешь, что Марк по вашу душу здесь? — пожал плечами отец. — Может быть, это простое совпадение, что Марк вернулся именно сейчас? С чего ты взяла, что он обязательно что-то будет делать?

— Ведёт себя странно, — ответила я, немного замявшись. Решала, стоит ли говорить отцу о приставаниях Марка. Но раз уж я начала этот разговор, надо договаривать. Да и ему, скорее всего, расскажут домочадцы Марата и Марка. — Он опять... Проявлял ко мне внимание. Настойчиво. И Марат это увидел.

— Понятно, — теперь уже вздохнул отец. Он тоже понимает, что мой муж довольно тяжёлый человек, а младший брат для него болезненная тема по многим причинам. И главная причина — я, конечно же. — Ругался?

— Нет, — покачала я головой. — Но очень ревновал. Наговорил мне не самых приятных вещей... Возможно, он будет об этом жалеть потом.

— А что он сказал? — спросил папа. — Ты, Линочка, любишь слышать не то, что другие имеют в виду. Как это было с первой беременностью.

— Нет, пап, — твёрдо сказала я. — На сей раз он всё сказал однозначно. И очень меня задел этими словами.

— Ну, что сказал-то? Обзывался, что ли? — не понимал никак, о чём я говорю, отец. — Так давай я с ним тогда поговорю сейчас по-мужски.

— Пап, — улыбнулась я, чувствуя, как его слова затронули самую душу. Нет, так, как папа, меня никто не сможет любить. Он всегда готов заступаться за свою маленькую девочку, которая продолжает жить в теле тридцатилетней меня. Обняла его за шею и прижалась своей щекой к его щетинистой, пахнущей травами для чая. — Ну как же я тебя люблю!

— И я тебя, Линуль, — обнял он меня в ответ. — Но всё-таки очень нехорошо, что мой зять тебя обижает. Что он наговорил тебе? Ты сама не своя не только из-за Марка, но и из-за Марата тоже. Я знаю, когда у тебя сердце болит. Чувствую.

Я опустила руки и села рядом с папой. Смотрела в пол, собираясь с мыслями.

— Сказал, что если я изменю ему, то детей больше не увижу. Особенно если это будет Марк, — решила я всё же рассказать папе то, что терзало мою душу с того самого момента, как услышала эти жестокие слова от любимого мной мужа. — Тогда он разрушит мою жизнь.

Папа помолчал какое-то время, потом приобнял меня и притянул к себе ближе.

— Про детей вы уже договорились в брачном контракте, если я правильно понял. Так ведь?

— Да...

— Значит, ты изначально не планировала ничего такого.

— Нет, конечно, ты что? — даже возмутилась на отца. Как он мог подумать обо мне что-то иное? Я никогда не предаю Марата. Лучше уж смерть, но не предательство.

— Тогда чего тебе бояться, скажи?

Задумалась. Получается, что ничего. То же самое мне вчера сказал и Марат.

— Ничего, — честно ответила я. — Я не собираюсь гулять от него! Тем более с Марком. Он и мизинца Марата не стоит. Но сама подача... Понимаешь? То, как он это сказал. Очень жёстко и грубо. Мне было очень обидно это всё от него услышать. Я никогда не давала ему повода во мне сомневаться, хотя со мной и сейчас пытаются завести знакомство мужчины. Их

даже не останавливает обручальное кольцо на руке, но я им не отвечаю. Если бы хотела, уже давно завела бы себе кого-то... Мне это не надо. А Марат, он словно не понимает этого.

— Ну, милая, — покачал папа головой. — Видели глазки, что ручки покупают. Марат всегда был сложным человеком. Вспомни разговор на кухне, когда он узнал о дочери, которую ты пыталась утаить от него. Он говорил тоже грубые вещи. Более того, я уверен, что если бы ты пошла ему наперекор, он бы отнял Алису.

Руки задрожали от воспоминаний об этом и от страха, что такая угроза всё ещё сохраняется.

— Ты знаешь, я тоже эту ситуацию вспомнила сразу же, — сказала я отцу, сцепляя пальцы друг с другом, чтобы унять непрошеную дрожь. — Да. Ты, папа, прав, Марат тогда был таким же — жестоким и злым.

— Это всегда в нём было, — кивнул отец. — Но ты любишь его. Он отличный хозяин, отец и муж. А слабости... Они есть у каждого. Я знаю, что он ревнив и иногда тебя обижает. Но боюсь, что идеальных людей в принципе не существует. Все мы что-то терпим и с чем-то миримся. Попробуй к этому отнестись чуть проще — как к его минусу. Прими, если это всё не пересекает рамки дозволенного. Не пересекает ведь?

— Нет, — ответила я не очень уверенно. Пока не пересекает... Надеюсь, что и эта неприятная ссора окажется совсем скоро в прошлом.

— И, конечно, поменьше общайся с Марком. Ну его, от греха подальше.

— Я бы с удовольствием, но мы ведь одна семья, — ответила я. — Только если звонить заранее и не приезжать, когда он у родителей. Но тогда дети будут лишены общения с родными.

— Сама не ездь просто. Отправляй детей с Маратом. Или няней. У вас же есть няня. Наймите водителя для неё. Тогда ваше общение сойдёт на нет. Семейные праздники теперь не выйдут, конечно, но думаю, что это некритично. Отметить наступление нового года, например, родители Марата могут, и приехав к вам.

Я перевела задумчивый взгляд на отца. Это выход, конечно... Я и сама об этом же подумала, когда поняла, что мне теперь не стоит так просто и часто гостить в доме родителей враждующих мужчин.

— Да, пап, — взяла я его за руку. — Так и сделаю. Спасибо тебе за совет.

На душе, как часто бывает после разговора с отцом, стало заметно легче. Но я всё ещё продолжала обижаться на мужа. Всё же палку он вчера заметно перегнул.

Наш разговор прервал Марат, который вернулся со двора.

— О чём секретничаете?

— Да ни о чём особенном, — встала я навстречу ему и пожала плечами. Интересно, он слышал, что я жаловалась отцу? Впрочем, пусть слышит — я готова всё это повторить в лицо. Я им недовольна сейчас! — Прошу папу следить за давлением и не забывать о запасном баллончике лекарства.

— Поддерживаю, — присоединился ко мне Марат, подошёл ближе и обнял за талию, властно притянув к себе. Мне захотелось убрать его руку, но при отце я не стала этого делать. — Не заставляйте свою дочь переживать, а меня — бросать дела.

— Постараюсь, — пообещал папа. Было заметно, что ему неловко — Марат его пристыдил. Но в данном случае это только ему же на пользу. Иначе на него не получилось бы подействовать.

— Клетки чистые, — обратился Марат снова к отцу.

— Спасибо, — улыбнулся он и протянул ему руку, которую мужчина крепко пожал в ответ. — Напой помощника чаем, Лина.

— Не откажусь, — улыбнулся ему Марат.

Я повела его на кухню. Налила в две чашки чая, поставила на стол. Рядом вазочку с его любимым вареньем. Мы молча приступили к трапезе. Марат наблюдал за мной, съев приличную порцию сладкого угощения.

— Всё-таки очень хорошее варенье, — сказал он мне. — Крыжовник сам по себе я не очень люблю. Но твой папа просто волшебник по части варенья.

— А как же, — отозвалась я. — Он давно этим занимается. Сколько его помню.

Он протянул руку и накрыл своей ладонью мою, сжав пальцы. Серые глаза смотрели на меня в ожидании. Я не забрала руки, но и не ответила, она продолжала безвольно лежать на столе, а взгляд я отвела в сторону. Что он сейчас хочет от меня после той некрасивой сцены? Весь праздник испортил, как и чудесный секс перед этим...

— Когда мы приезжаем сюда, я вспоминаю нас с тобой. Ту ночь на скрипучем диване, — улыбнулся Марат, поглаживая мои пальцы своими.

Он пытается наладить диалог и проявляет инициативу сам. Он чувствует вину, я понимаю это. Если я сегодня услышу ещё и слова извинений, то со временем перестану так злиться. Марат готов извиняться, если не прав. Он не считает это слабостью. А сейчас он не прав, и я надеюсь, понимает это.

— О нет, — покачала я головой. — Не напоминай мне об этом. Как тебе только не стыдно было? Мне папа потом об этом говорил, что всё слышал. Бесстыдник!

Марата рассмешило, как я ругаю его, и как при этом покраснели мои щёки и заблестели глаза. Да, я тоже вспомнила. Эта ночь была знаковая для нас обоих. Такая нежная и страстная... И отчасти экстремальная из-за скрипа дивана.

— Нам обоим было хорошо, не правда ли? — его пальцы переплелись с моими, а серые глаза стало завлакивать уже знакомой мне дымкой желания.

— Правда, — ответила я. — Но всё равно стыдно...

— Да брось, твой отец взрослый и прекрасно всё понял.

— Понял, конечно. Но ты всё равно бесстыдник!

— Почему только я? Ведь это тебе я рот зажимал рукой, чтобы ты слишком сильно не стонала, когда кончала. Ты тоже бесстыдница, ещё какая. И грешница, Ангел.

Его рука опустилась под стол. Сжала моё колено и пошла выше, задирая подол юбки.

— Марат, — остановила я его, удерживая руку на пока еще приличном месте. — Мы в доме папы.

— Тогда поехали уже домой, — он поднялся и потянул за руку меня. Когда я оказалась напротив него, Марат притянул меня к себе и прошептал на ухо: — Я соскучился. Хочу как вчера.

Он потянулся к моим губам, но мне не хотелось сейчас его касаний. Я опустила голову вниз, не давая себя целовать. Мужчина нахмурился.

— А ты заслужил? — не удержалась я, глядя с вызовом в его глаза.

— Я должен заслужить секс со своей женой? — его глаза стали строже и холоднее.

— Ты меня задел, — подняла я подбородок вверх.

Он шумно выдохнул и отпустил меня.

— Поговорим об этом позже. Поехали за детьми. Проведем вечер вместе.

Мы убрали за собой посуду, попрощались с отцом и сели в машину. Кинула взгляд на заднее сиденье и увидела порядком увядший букет красных роз.

— Розы? — спросила я Марата.

— Тебе. Были, — ответил он, выезжая на трассу.

Не зная, что сказать, поправила причёску и уставилась в окно. Жаль розы, они просто завяли...

— Я забыл про них вчера... после той сцены в доме родителей. Ты обиделась, что ли?

— Нет, всё нормально, — пожала я плечами. — Просто это была наша годовщина, и она прошла совсем не так, как я ожидала.

— Не грусти, Ангел, — он мягко сжал моё колено и погладил его большим пальцем. — Мы всё исправим. Я куплю тебе новый букет. Заберем детей и устроим праздник. Идёт?

— Идёт, — улыбнулась я ему.

— А у меня подарок есть для тебя, — сказал он. — Вчера немного не до этого было. Совсем всё из головы повывлетало.

— У меня тоже, — ответила я. — Только он дома. Я не думала, что мы куда-то поедem.

— Вот дома и поздравим друг друга. Хорошо?

— Да, — кивнула я.

На душе стало теплее. Мне было обидно ощущать, словно для него ничего не значит больше день нашей свадьбы. Но всё не так. Просто эта ссора нас сбила с толку. Ну что же, праздник немного позже, в кругу семьи, тоже вовсе не плохо.

По пути Марат действительно остановился у большой цветочной лавки. А когда он вышел из неё, я невольно заулыбалась. Он нёс не только чудесный и огромный букет свежих красных роз, а ещё за лапу держал большого плюшевого мишку, который в мягких лапках сжимал красное сердце. Такой странный подарок от Марата, очень неожиданно. Но ужасно мило...

— Ну вот, — улыбнулся он мне, когда оказался в салоне рядом со мной. — Начинаем праздновать. С годовщиной тебя, моя любимая и дорогая жена. Прими этот букет, такой же яркий и огромный, как моя к тебе любовь, моя Багира.

Я забрала розы и потянулась к нему в ответ для поцелуя. Ну, теперь я ему почти всё уже простила. Гад, как он это делает со мной? Ну обожаю же!

— А это тебе компенсация за несвоевременные розы, — он улыбался, протягивая мне медведя.

— Спасибо, — забрала я и второй мой подарок и уткнулась в мягкие ушки носом. — Давно мне уже не дарили мужчины именно такие подарки.

— Могла бы сказать раньше, что хочешь медведя! — усмехнулся Марат. — А то я, дурак, всё бриллианты покупаю. Раз уж я начал дарить подарки прямо в машине, то...

Он вынул из кармана пиджака коробочку и открыл её. Я с любопытством заглянула туда. Красивая изящная цепочка с симпатичным кулоном в виде кошечки и с бриллиантами в глазках и на ушках. Безумно красиво. И подарок со смыслом — Марат подарил мне Багиру. Так он меня видит.

— Какая красивая... — провела я пальцами по холодному металлу. — Кошка.

Я посмотрела на него с особенным смыслом, и он улыбнулся мне в ответ.

— Багира. Примерим?

— Да.

Я отложила в сторону цветы и медведя, убрала волосы с шеи и повернулась к нему, чтобы он сам надел на меня украшение. Металл коснулся кожи, принес с собой ни с чем не сравнимое удовольствие от ощущения на себе красивой и дорогой вещи. Вещи, которую подарил любимый человек. Когда он застегнул замочек, я заглянула в зеркало, разглядывая, как украшение легло.

— Нравится? — спросил он, целуя мою шею.

— Очень, — отозвалась я. — Очень красиво и изящно. Ты сам выбрал?

— Конечно, сам.

— Это вдвойне мило, — повернулась я к нему и чмокнула в щетинистую щёку. — Мне очень нравится, подвеска безупречная.

— Я рад. А ещё я хочу увидеть тебя только в ней. Только эта подвеска, твоё обнаженное тело и распущенные волосы. Такой ты меня сведёшь с ума. Снова.

— Как скажешь, — улыбнулась я, водя пальцем по его губам. — Только до дома давай уже всё-таки доедем. И детей заберём.

— Угу, — кивнул он, с большим трудом отрываясь от моей ладони, которую он поймал и принялся целовать, развернув к себе запястьем. — Поехали.

Когда мы остановились возле дома родителей Марата, не сговариваясь переглянулись.

— Я думаю, мне стоит остаться в машине, — сказала я ему. — Иди сам, собери детей. Мама поможет тебе, она знает все их вещи.

— Согласен, — кивнул Марат и вышел из машины.

Он скрылся внутри дома, а я осталась сидеть в салоне под негромкую музыку. Розы даже источали чудесный аромат, подарки подняли моё настроение. Осталось теперь отдать свой. Я почти уже перестала ощущать этот горький осадок после вчерашней ночи.

На территорию заехала ещё одна машина. Из чёрной иномарки вышел Марк. Я изогнула одну бровь и вздохнула. Только его здесь не хватало сейчас. Его словно назло приносит нелёгкая, когда я нахожусь здесь. Он увидел меня, сидящую в машине, и остановился. Я отвернулась от него, показывая, что он мне совершенно неинтересен. Марк смотрел на меня, сузив свои голубые глаза. Потом подошёл к машине и постучал в окно. Его улыбка казалась совершенно искренней. Я глянула на него и отрицательно покачала головой. А потом провела по горлу себе и указала на него — нас обоих ждёт именно это, а поэтому пусть отвалит. Даже разговаривать не стану.

Марк стоял напротив машины, широко расставив ноги и засунув руки в карманы брюк. Он усмехнулся в ответ на мой жест, казалось, его вовсе это не пугает. А меня — очень даже, я не хочу проверять, выполнит ли угрозы Марат. Укоризненно покачал головой, словно я ему чем-то обязана. Когда на крыльце показался Марат с детьми, Марк встретился с ним глазами. Марат смотрел на него ненавидящим взглядом, Марк смотрел так же, нагло облокотившись о нашу машину. Кажется, этими взглядами можно убивать, и они с удовольствием вцепились бы друг другу в глотки.

Марат подошёл к машине и усадил детей на заднее сиденье, пристегнув обоих сорванцов. А потом вернулся к Марку и что-то начал ему говорить. Тот в ответ хмурился и отвечал так, что Марат сжимал руки. О чём точно они говорили, в машине не было слышно, но и без слов примерно ясно — Марат снова зол на то, что его младший брат крутится у машины. Закончилось тем, что муж пихнул брата в плечо так, что тот вынужден был отойти от авто. Марат сел на водительское место и довольно резво вывел машину на дорогу.

Какое-то время я молчала и наблюдала за ним. Боялась, что сейчас он начнёт мне выговаривать опять. Но он, кажется, меня сегодня ни в чём не винил. Его руки крепко сжимали руль, губы были плотно сжаты, а желваки ходили ходуном.

— Что он тебе сказал? — робко спросила я. — Ты расстроен?

— Неважно, — нахмурился Марат. — Правильно сделала, что не пошла со мной. Я вижу, что ты меня слышишь.

Он имел в виду то, что я должна была ограничить общение и возможность даже просто встреч с Марком. Впрочем, мне это было и не нужно. Это он настырно ищет их, и, как я понимаю, чтобы просто позлить старшего брата. И у него это получается. Он знает, как остро реагирует Марат, знает, как он ревнив. Мой муж — сильный мужчина, но Марк слишком хорошо знает его слабые места и провоцирует Марата на проявление не лучших его качеств.

Но мне он ничего высказывать не стал, и дышать стало легче. Мы доехали под болтовню детей и всей гурьбой вошли в просторный холл нашего дома. Марат взял себя в руки и убрал негатив на задний план ради детей и праздника. Пока он играл с ними внизу, я поднялась в спальню и вынула из комода коробочку, в которой лежали красивые запонки для мужа. Он

любит такие дорогие и изысканные украшения, и я копила на них — они от известного во всем мире дизайнера. С предвкушением принесла их вниз. Спрятала коробочку за спиной.

— Марат, — позвала его я, улыбаясь. — Оторвись ненадолго.

— Что такое? — поднялся он с ковра, оставил детей резвиться друг с другом и подошёл ближе. Серые глаза с любопытством смотрели на меня.

— Подарок, — ответила я и вынула из-за спины коробку, которую протянула ему. — С годовщиной нашей свадьбы.

Он забрал коробку из моих пальцев и заглянул внутрь.

— Ангел, — поднял он снова на меня глаза. — Это очень красиво. И дорого.

— Да, но ты этого заслуживаешь.

— Твоя зарплата меньше. Ты что — копила? — изогнул он одну бровь.

— Да, — пожала я плечами.

— Милая, — он прижал меня к себе и легко поцеловал меня в висок. — Они чудесные. Только обещай мне кое-что.

— Что?

— Не дарить таких дорогих вещей.

— Почему? Мне захотелось.

— Потому что это ты должна принимать такие вещи. А меня мой лучший подарок ожидает в спальне, когда малые лягут спать.

Серые глаза потемнели, когда он говорил эти слова. Он мягко сжал моё бедро, пока не видят дети, увлечённые игрой на ковре.

— Посмотрим, — ответила я.

— Чего там смотреть? — фыркнул Марат. — Я тебя просто принесу в спальню сам, и все дела.

Я уставилась на него взглядом, означающим "ну-ну, попробуй!".

— Мам, я есть хочу, — подбежал к нам сын и оборвал наш диалог.

— Пойдём, — взъерошила я его детские волосы. — Покормлю вас.

Мы вместе ужинали, дурачились, а потом смотрели мультфильм на огромной плазме в гостиной с попкорном и колодой. Обожаю такие вечера: домашняя расслабленная атмосфера, дети, любимый муж на мягком диване и душевный мультфильм о любви и дружбе.

Пока длился фильм, Марат обнимал меня и целовал то щёку, то осторожно шею, и мне не хотелось отталкивать его. Кажется, я начинаю оттаивать от его обидных слов. Но мы все же ещё поговорим с ним, когда останемся наедине. И не только поговорим...

Когда дети уснули в своих кроватках, мы ушли в кухню. Открыли бутылочку вина и усадились за барную стойку. Марат почти не пил, сидел и всё смотрел в мои глаза. Мы будто вернулись в прошлое, когда пили вот так вино в его квартире, когда он был в меня влюблён тайно и не мог отвести взгляда.

— Почему ты так смотришь? — спросила я, водя пальцем по ободку бокала.

— Ты очень красивая, Ангел, — ответил он. — Мне нравится на тебя смотреть. Я так отдыхаю.

— Спасибо, милый, — я ласково провела пальцами по его щеке.

Слышать такие слова от мужа спустя годы брака очень приятно. С ним я чувствую себя такой желанной, любимой и нужной. С ним я счастлива. Несмотря на мелочи. Он напрягся от моего касания, прикрыл глаза, наслаждаясь лаской, а на шее я заметила мурашки. Обожаю, когда он так реагирует на меня. Чувствую себя той, которая владеет им, а не наоборот. Ощущать власть над таким сильным мужчиной очень приятно, это льстит.

— Где там наш торт с клубникой? Давай ещё поедим.

Я улыбнулась и встала из-за стойки. К нашей годовщине я заказала обалденно вкусный торт с шоколадом и клубникой. Немного мы уже его испробовали, но сейчас Марату хочется ещё немного сладкого. Я достала его из холодильника и отрезала кусочек. Положила его на десертную тарелочку и с ложечкой принесла к барной стойке обратно. Муж всё это время расслабленно наблюдай за мной. Так тепло, хорошо. Будто не было вчерашней ссоры.

Мне торта не хотелось. Я отломилась ложкой первый кусочек и предложила его Марату. Тот послушно разомкнул губы и принял угощение. Облизнул губы от шоколада.

— Очень вкусно. Но клубнички мне бы хотелось другой, — сказал он, подняв вверх брови.

Я улыбнулась и потянулась к нему сама, поцеловав шоколадные местами губы. Сладко.

Марат притянул меня к себе ближе. О торте и вине мы забыли вовсе, целовались как сумасшедшие при тусклом свете барной стойки. Внизу живота стало тянуть, а бельё стало влажным и прилипало к телу. Хотелось уже перейти к более горячему.

Марат тоже этого хотел. Он положил мою руку на свои бёдра в области паха, и я ласкала его через ткань под его тяжёлое дыхание.

— Пойдём, — потянул он меня за руку, поднимая со стула и увлекая за собой в спальню. — Иначе прямо тут тебя возьму.

Мы поднялись в нашу комнату, останавливаясь в коридоре и снова целуя друг друга так, что болели губы. У кровати стали стаскивать друг с друга одежду так, будто это был наш последний секс.

Упали на кровать, обнявшись и лаская друг друга до иступления. Оба тяжело дышали и не могли сдерживать свои стоны, так нам было хорошо. Нежный секс постепенно превратился в бешеный и яростный, Марат всегда заканчивает именно так. Ему всегда всего мало — моих поцелуев, секса и оргазмов. Ему всегда мало меня...

— Прости меня, Лин, — шептал он мне на ухо, когда мы после душа уже почти засыпали в объятиях друг друга.

— Не знаю, Марат, — покачала я головой. — Ты несправедлив ко мне.

— Я был груб, признаю. Но всё, что я сказал, остаётся в силе.

— Вот видишь, ты опять, — попыталась я оттолкнуть его. — Я никогда тебя не обманывала и не обману.

— Они тоже так говорили.

Я уставилась на него.

— Так вот в чём всё дело, — ответила я негромко. — Я была права: ты мне не веришь. Но я не они, как ты не поймёшь?

— Ты не они, — покачал он головой. — Тебя я слишком сильно боюсь потерять. Больше, чем любую из них. Я очень тебя люблю, Лина...

Он опустил губы на мою шею и принялся покрывать её поцелуями. Заставил меня растаять снова в его руках. Я не могу злиться на него так долго...

— Я тоже тебя люблю, Марат...

ГЛАВА 6.

— Хорошего дня, милый, — потянула я его за пиджак и поцеловала в губы. — Может, я тебе нужна больше, чем мне выходной?

— Нет, тебе нужен отдых. Я сам сегодня разберусь, — отрезал он.

— Ладно, только не рычи так на Анну. А то убежит скоро от тебя.

— Не убежит, — уверенно заявил он. — Она за твои выходные получает больше, чем если бы работала на постоянной основе где-то ещё.

— Тогда удачи, — сказала я и снова потянулась за поцелуем.

— Детей заберёшь сама из сада?

— Конечно, не беспокойся.

— Хорошо. Пока тогда.

Он чмокнул меня в макушку и, взял портфель с документами, вышел на улицу. Вскоре машина Марата покинула территорию дома.

Я же расслабленно села в плетёное кресло на нашей террасе, чтобы выпить кофе с тостами, никуда не торопясь. Детей отвезла в сад няня с водителем. Я могу расслабиться и заняться своими делами.

Прошло около недели. Наша жизнь потекла своим чередом. Марат рассказал мне об истинном положении дел на фирме. Изоляция и новые санкции сильно подкосили его. Всё очень серьёзно, ещё серьёзнее, чем я думала. Я старалась не ругаться с ним на предмет того, что он пытался от меня это утаить. Я понимала, что он в первую очередь хотел уберечь меня от нервов и потрясений, да и помочь я ничем ему особенно не могла. Но ведь рано или поздно всё равно пришлось бы признаться. Я просто выслушала и сказала, что буду поддерживать его. И даже если у него не станет денег вовсе, не брошу его. Для меня его деньги вовсе не главное! Важно, что мы оба здоровы, что здоровы наши дети, а значит, и работу другую найдем, может быть, сможем организовать со временем другой бизнес. С опытом и связями Марата это сделать не так уж трудно. Вопрос только в финансах, но это дело времени. Всё приложится, главное, держаться друг за друга.

После неторопливого завтрака, похожего на релакс и медитацию, отправилась на фитнес и в бассейн. Снова ощутила на месте свои мышцы. После результативной тренировки приняла душ и наведлась в салон красоты. Привела в порядок волосы и сделала их немного светлее, ближе к цвету шоколада. С моей бледной кожей и большими карими глазами смотрелось очень красиво.

Небольшой шоппинг тоже поднял настроение. Дома не выдержала и нацепила купленный комплект кружевного белья. Разглядывала его в зеркале. Красиво, сексуально и просто сногшибательно. После вторых родов я уже успела привести в порядок фигуру, и кружевное бельё смотрелось на мне просто потрясно. Я, конечно, не ценитель женской красоты, но мне кажется, что, увидев меня вечером в этом белье, Марат просто упадёт в обморок. А потом очнётся, подхватит меня на руки и отнесёт в спальню, чтобы там...

Звонок в дверь прервал мои размышления. Звук звонка выводился и на второй этаж. Нахмурилась и принялась надевать на себя халат. И кого там так не вовремя принесло?

— Марк... — обалдело произнесла я, когда открыла дверь.

— Привет, — сказал он.

— Пока, — ответила я и попыталась закрыть дверь.

— Подожди, — Марк не дал закрыть мне её, всунув ботинок между дверью и косяком.

— Есть важный разговор.

— Да мне не о чем с тобой говорить! Убери ботинок.

— Лина, надо поговорить, — настырничал он и теперь ещё и рукой мешал закрывать дверь.

— Я не буду с тобой разговаривать, — зло кинула я ему в лицо. — Проваливай отсюда! У меня из-за тебя опять проблемы будут. Как тебя вообще на территорию пропустили, не пойму?

— Это неважно сейчас, — стоял на своём Марк и просто вырвал дверь из моих рук. Он сильнее меня, дверная ручка выскользнула из моих пальцев. Мне пришлось отступить назад, чтобы мы не стояли слишком близко.

— Ну и чё ты запёрся? Кто тебя звал? — спросила я. Меня захлестнул гнев. Как я могла раньше думать, что люблю его? Как могла его жалеть и чувствовать себя виноватой? Он и волоска на голове Марата не стоит! Надо было бросить его ещё тогда без сожаления.

— Это действительно важно, я не шучу, — высказался Марк. — Это касается Марата.

— В чём дело? — рядом с нами оказался один из охранников дома. Видимо, он заметил по камерам, что Марка я не пускала, но он всё равно вошёл. Он вынул пистолет и направил его на Марка. Внутри меня всё похолодело. Я знаю, что если мой бывший жених сейчас начнёт упорствовать, то охранник может принять меры. — Отойдите на безопасное расстояние.

— Я могу вообще уйти, — сказал Марк мне, игнорируя охранника. — Только тогда твой муж утонет окончательно.

— Ты же его и топишь, Марк! — вскипела я.

— Нет, Лина, — покачал он головой. — Сейчас я владею информацией, которой не владеет Марк.

— Почему ты не скажешь эту информацию ему?

— Потому что я скажу её только тебе. Убирай свою охрану, или твой муж уже завтра проснётся бомжом.

— Давай позвоним Марату, — предложила я.

— Нет, — покачал головой Марк. — Только конфиденциальный разговор или ничего. Убирай своего бугая.

— Почему Марат не знает то, что ты мне хочешь сказать?

— Потому что я общался с тем, кто хочет его утопить. Марат не знает, с какой стороны сейчас будет нанесён удар.

Я застыла на месте, не зная, как поступить. Приняла решение и отступила ещё на несколько шагов.

— Пропустите его, — сказала охраннику.

Парень-секьюрити неуверенно переводил взгляд с меня на Марка.

— Вы уверены?

— Я уверена, — ответила я. — Идите.

Думаю, что Марк, зная, что за нами наблюдают, не станет ничего делать. Охранник ушёл, а я повернулась к младшему брату своего мужа.

— У тебя пять минут.

Марк подошёл чуть ближе и стал рассказывать, как один из партнёров решил поставить Марата. Сейчас такие действия могут стать фатальными для его бизнеса.

Я просто осела в кресло в гостиной, пока всё это слушала. К сожалению, всё очень похоже на правду. Вот только мотивов бывшего жениха я не понимаю. С чего вдруг он решил нам помогать?

— А почему ты мне это решил рассказать?

— Хочу помочь, — отозвался он. Марк так и стоял посреди гостиной.

— Марату? Не верю, — отрицательно покачала я головой.

— Тебе, Лин, — ответил он.

Мне стало душно и тяжело дышать. Голова закружилась. Всё это слишком больно. Близкие люди подводят и подставляют моего мужа, нас обоих. Марат не может потерять этот бизнес. Но и Марк явно что-то потребует взамен за информацию.

— Лин, плохо, да? — спросил он и открыл бутылку с водой. Протянул её мне. — Ну-ка, выпей. Легче станет. Давай-давай.

Пить действительно хотелось. Я осушила чуть ли не половину небольшой бутылки.

— Ты увидишь, что я прав, но будет поздно.

— Марк, если ты не последняя сволочь, давай позвоним Марату, — попросила я его. — Он поймёт всё лучше.

— Нет, Марату я ничего не скажу, — отрезал Марк.

— А как тогда? — потрясла головой.

Что-то легче от воды не стало. Голова стала кружиться ещё сильнее, а тело словно наливалось свинцом...

— Я скажу, кто и что сделает, только тебе, — остановил на мне взгляд Марк. — Я докажу тебе, что прав. Принеси последний договор.

— Какой договор?

— С поставщиками. Вы не так давно заключили крупную сделку и считали её спасением для вас.

— А ты откуда знаешь про него?

— Я всё знаю, милая. Неси. Никакой сверхсекретной информации в нём нет. Я знаю всех, кто работает с твоим мужем. И укажу фамилии.

Бутылка с водой так и осталась у меня в руке. Я отпила ещё, но становилось всё хуже. Неужели это всё нервы?

Я посидела растерянно в кресле ещё немного и решила подняться наверх. Пока шла по ступенькам, преодолеть которые мне казалось тяжелее обычного, всё думала, как быть. Звонила Марату несколько раз, тихо матерясь про себя.

Ну возьми же трубку, чёрт тебя подери!

Это важно.

Гудок, десять гудков, повторный звонок... Всё без ответа. Видимо, какое-то совещание опять. А на совещании он никогда не отвечает.

Дошла до кабинета и нашла в папке нужную копию договора. На всякий случай храним копии дома, чтобы я, если на выходном, могла подсказать и помочь по поводу заключённых сделок. Взяла копию с собой и стала спускаться обратно. Спускаться было ещё тяжелее, чем подниматься.

Спустилась и вручила контракт Марку.

— Слушай, я как-то себя очень плохо чувствую, — сказала я ему. — Ты поговори всё-таки с братом. Если ты, конечно, действительно хочешь помочь.

— Так я и думал, — сказал он, бегло изучив документы, пока я снова упала в кресло. — Именно этот человек тут и указан. И вам нужно его опасаться. Я случайно в курсе его махинаций.

— Ну так говори – кто?! — пыталась сосредоточиться я, но мысли куда-то уползли.

Марк отложил документы и уставился на меня.

— Я скажу, только если ты сделаешь кое-что и для меня.

— Что ты хочешь? — устало спросила я, из последних сил собирая мысли. Да что со мной такое?

Марк подошёл ближе и поднял меня за руку, притянув к себе.

— Тебя, Ангел.

— Ты с ума... сошел? — язык, как и тело, стал совсем плохо слушаться. Мне неприятны его руки на моей талии, но я просто физически не способна поднять руки и оттолкнуть его,

хотя очень хочется. Это как бег во сне или в воде — стараешься изо всех сил, но ничего не получается. Всё, что я могла делать, это слабо упираться в его грудь и как овечка идти за ним, увлекаемая к дивану.

— Один секс, и я тебе всё расскажу, — говорил он мне на ухо, забираясь руками под мой не самый длинный халат.

— Нет... — ответила я, удерживая разум из последних сил, но тот словно ускользал от меня. Образы становились нечёткими, а голоса — мой и его — словно звучали из бочки. Сил не было сопротивляться. Просто не было. Как и думать...

— Какая же ты красивая, — говорил он мне, развязывая пояс халата и распахивая его. Мне хотелось убрать его руки, закричать, позвать охрану, но я просто не могла. Меня словно обездвигило. Я превратилась в какую-то абсолютно спокойную амёбу, которой совершенно наплевать, что с ней делают. — Какое бельё... — скользил он по мне своими лапами, завалив на диван. Противно, но всё, что я могла в ответ — лишь слабо упираться в его грудь и смотреть. — Когда-то ты покупала такое для меня...

Он мнял моё тело, а я ничего не могла с этим поделать. Реакции словно стали заторможенные.

— Лина...

— Марк, нет... Марк...

Халат он стянул с меня, и я обязательно залепила ему бы по роже за это, но сегодня я ощущала такой упадок сил, что ни на что не была способна. По моим щекам бежали слёзы — от чувства мерзости, от беспомощности, мои тихие мольбы он не слушал, моё мягкое сопротивление легко преодолевал. Мужчина же всё больше напирал, чувствуя свою безнаказанность. Я словно в какой-то туман выпала. Он снимал с меня бюстгальтер, а я до конца этого не понимала. Осталась обнажённой по пояс, но даже прикрывалась с трудом — руки не поднимались.

— Марк, пожалуйста... Что ты наделал... Оставь, уйди... — просила я, глотая слёзы, чувствуя себя бесконечно обречённой. Что со мной вдруг произошло? Я впала в апатию, я не могу сопротивляться. Я не могу даже просто думать. — Ты убьёшь меня...

— Ангел, — говорил он, вбирая мои соски в себя. — Я всё так же могу сходить по тебе с ума. Даже не думал...

— М-м... — только и могла выдать я, изо всех сил упираясь в его плечи. Это всё, что я могла сделать в эту минуту.

Когда его рука оказалась в моих трусиках и пальцы коснулись клитора, я невольно выдохнула и прогнулась в спине. И застонала против воли. Тело не слушалось и словно жило своей жизнью. Когда-то Марк был моим мужчиной, и не таким уж плохим любовником, и мой разум в тумане вдруг отозвался... Он целовал мою грудь и массировал клитор, пока я лежала на диване. Я стонала в ответ, понимая, что всё неправильно, но остановить это мне мешал мой словно пьяный разум. Как прийти в себя? Я просто не знала.

— Ебать, — услышала я сквозь туман и дёрнулась. — Я хую с этого зоопарка.

Марат.

Боже. Он видит меня такой?

Я не хочу, чтобы всё было так. Но я ничего не могла сделать...

Ну почему так?!

Мой воспалённый мозг работал, как мог, и кричал, кричал, кричал... Но слышала его только я одна, а в слова облачить мысли не могла.

Снова предприняла попытки высвободиться, но они стухли тут же. Тело не слушалось, разум мой меня не слышал.

Тяжёлое тело с меня стащило. Я поднялась и села. Встать уже не смогла. Я беспомощно крутила головой, пытаюсь вернуться в себя. Всё доносилось словно из бутылки.

— Ты сегодня рано, брат, — говорил Марк, стараясь увернуться от ударов. — Мы тебя ждали позже... Блядь...

Мой муж лупил что было мочи. Мне было очень страшно, я вжалась в диван, осознавая, что даже на помощь не могу позвать никого.

Марк и Марат дрались. Так дрались, что их прибежала разнимать охрана, увидевшая потасовку по камерам или услышавшая нездоровую возню. Такой трёхэтажный мат давно я не слышала, да и, в общем-то, мне было тогда просто неважно это. Это как-то не достигло моего сознания, не способно было проникнуть в мой ослабленный вдруг мозг. Он будто размяк или опух...

Полы халата я прикрыла, но всё было тщетно.

ОН всё видел.

Видел, как я с голой грудью и с рукой Марка у себя в трусах извивалась под ним. Хуже просто невозможно придумать. Да я сейчас и вообще думать не могу.

Марка подняли с пола. Лицо разбито, как и у Марата. Но Марат твёрдо стоял, широко расставив ноги, посреди гостиной, а Марка уносили. Марат бил его так, что ещё немного, и охрана бы просто не успела — он убил бы своего младшего брата. И опять из-за меня... Марка вынесли под руки на улицу. Мы остались в гостиной вдвоём. Побитый, злой, разбитый морально Марат — и я в перекошенном халате.

— Марат...

ГЛАВА 7.

— Марат...

— Замолчи, — оборвал он. Он смотрел на меня как на врага. Но до меня не доходило до конца, что произошло. — Завтра ни тебя, ни твоих вещей в доме быть не должно. Охрана об этом позаботится. Детей заберу сам. Забудь о них. Заехал за папкой, блядь.

— Как... забудь? — произнесла я негромко. Даже такие страшные слова не вывели меня на эмоции сейчас.

Он ничего не ответил. Развернулся и направился в свой кабинет, откуда вышел уже с папкой в руках. Я держала руками запахнутый халат, не в силах его завязать нормально. Мой бюстгальтер продолжал валяться на ковре возле дивана. Сидела и смотрела в одну точку. Я хотела спать.

Марат прошёл мимо меня, словно меня здесь уже нет.

— Марат... — снова попыталась я позвать его.

— Марата для тебя больше нет, поняла?

Ушёл, хлопнув дверью. Я ещё какое-то время бестолково посидела, потом кое-как добрела до спальни и легла. Глаза закрылись, и меня унесло в тяжёлый сон.

МАРАТ.

Словно робот дошёл до машины, сел в неё и выехал с территории дома. Остановился буквально в ста метрах от коттеджа. Руки так тряслись, что ехать нормально не получилось, было просто опасно. Да и ссадины желательно обработать. В бардачке была аптечка, где нашлись перекись и вата. Я смочил кусок ваты перекисью и принялся обрабатывать лицо и костяшки пальцев. Прилично кожа содралась. Если бы не парни, я бы его убил, наверное. Да и её тоже, возможно. Поэтому с ней я говорить просто не стал — сдерживаться было трудно, но женщин я не бью.

Он всё-таки это сделал. Отнял её обратно.

Перед глазами снова встало то, что я увидел.

Устало уронил голову на руль. Дышать было тяжело, лёгкие словно стянуло незримыми путами, каждый вдох отзывался болью. Эта картинка, где она, почти голая, лежала под ним на нашем диване, который мы вместе выбирали, и принимала его ласки, отпечаталась в памяти словно татуировка. Болезненно нанесённая рваная рана в душе.

Я никогда не забуду этой сцены. Отвратительной, мерзкой. Сцены, в момент который я сам словно умер внутри. Просто не смогу. Ведь всё моё счастье было сосредоточено на семье. На ней, чёрт возьми. Может быть, я много работал и мало говорил, как люблю её, но я любил. Я спешил домой, к ней. Я обожал проводить с ней редкие свободные вечера и жаркие ночи. Никакие секретарши и партнёрши, которые попадались до того сексуальные, что трудно устоять, меня не интересовали. Все корпоративные праздники и мероприятия я грезил лишь тем, что поеду вечером домой и увижу её новое бельё. Или её без белья...

Но то, что я увидел сегодня...

Никогда не прощу. Знала, что я уже пережил, и сделала это. Я пытался ей верить, но значит, до конца так и не был в ней уверен. И теперь понятно почему. Я и сам долго думал, что вернулась она ко мне только из-за ребёнка. И Марка тогда не приняла по той же причине — она поняла, что беременна, и что я не отступлюсь от дочери, когда узнаю. А я рано или поздно бы узнал. О других любовниках я не знаю достоверно, всё с её слов и слов её отца. Но, может быть, так оно и было. Павел никогда не лжёт. Но он такой же наивный порой, как и она, и мог просто не знать о похождениях дочери. Трудно было бы жить без секса почти три года.

Дрочила, что ли, всё это время? В эти сказки я не верю категорически. Кто-то для секса у неё наверняка имелся, просто теперь она об этом мудро молчит.

Достал из бардачка заначку – пачку сигарет – и вытряхнул одну. Прикурил. Затянулся. Поморщился с непривычки, лёгкие теперь насиловал ещё и сигаретный дым. Но я хочу курить. И выпить тоже не помешает, но только после того, как отвезу договор в офис. Нужно довести до конца дела, иначе я окажусь разорённым ещё скорее, поддавшись личным драмам. Трудно, а что делать? Сейчас немного приду в себя и поеду.

Долбанул по рулю. Да как тут, сука, успокоишься?

Она. Моя.

Она. Была. С. Ним.

Блядь...

Теперь уже не моя. Не моя.

Я – хер его знает, как я это переживу. Это нож в сердце? Нет больше сердца. Она его сегодня вырвала из груди и просто сожрала на пару со своим старым-новым любовником.

Наверное, верно говорят, что бывших не бывает. Ни алкоголиков, ни любовников. Увидела его и растаяла. Соскучилась, наверное, три года не видела его. Уже и позабыла, какой с ним секс. Интересно, она считает, что он трахается лучше?

Ещё несколько раз, зажав сигарету в углу рта, долбанул по рулю.

Нахер. Не хочу об этом думать. Иначе я кого-то просто убью!

Вплёл пальцы одной руки в волосы и с силой натянул. До боли. Так погано, что я просто не знаю, куда себя деть. Не понимаю, как заставить себя ехать дальше и решать вопросы. Как вообще жить дальше? Без неё.

Выкинул почти выкуренную сигарету и тут же прикурил новую. Снова затяжка, и дым разрезал лёгкие.

Я знал, что Марк ей пишет. Я увидел её забытый ноутбук в кухне, пока она пошла ответить на телефонный звонок. Не удержался и посмотрел. Самый первый диалог — приветствие от Марка. Да, она ему не отвечала, но и мне не сказала. Словно на самом деле ей льстило его внимание.

Потом эти обнимашки в доме родителей. Я думал, что мне показалось, будто Ангелина не так уж против его рук на себе. Но сегодня убедился, что мне не казалось. Она позволила ему войти в дом, позволила прикоснуться к себе. За всеми этими заморочками в бизнесе я предупредил охрану не пропускать Марка, но это говно, похоже, назвался иначе и что-то им наплёл, что они его впустили. С ними я разберусь позже. Но она? Как могла его впустить она? Мы ведь говорили с ней об этом!

Вывод только один — она хотела его впустить. Она никак не могла думать, что я вдруг в середине дня приеду за забытой, но такой нужной папкой, и застану их.

Стерва.

Дрянь.

Даже обзывать её не могу нормально, а хочется что-то поглубже. А язык не поворачивается.

Повелась же, как течная сучка. Вот так просто, едва он вернулся и стал за ней ухлёстывать. Прошло не больше недели, как она уже готова была с ним трахаться у меня на глазах. Наверное, если бы я его не скинул с неё, то они спокойно бы продолжили ловить кайф на моём диване...

Что ж. Выбор невелик. С глаз долой — из сердца вон. Развод — это понятно. Но и детей я у неё заберу. Жить с ней они не будут. Максимум — свидания на территории моих родителей, и никак иначе. И то не сразу, а когда я остыну и не буду так хотеть её придушить. Я не желаю, чтобы мою дочь воспитывала... такая. И чтобы Марк имел к ним какое-то отношение. Не хватало ещё, чтобы они поженились и он заменил детям меня. Ни за что на свете.

Выбросил в открытое окно второй окурок. Жаль, так же просто не выкинешь боль и воспоминания.

Так, сопли я утёр, поскулю потом в уголку, после работы. Надо ехать.

Взял в руки мобильный и глянул меню звонков. Вон уже, потеряли меня, ждут чёртову папку. А потом передёрнуло — несколько пропущенных от неё. Прикинул по времени — она звонила до того, как я приехал, минут за двадцать.

А, понял. Хотела уточнить, не собираюсь ли я домой и не помешаю ли им сладко трахаться на диванчике.

Обломалась, милая. Какая же предусмотрительная дрянь, а! Но могу дать ей совет: в следующий раз трахаться в другом месте, а не в моём доме, тогда дольше получится водить меня, влюблённого в неё слепого кретина, за рога.

— Алё, Жень, — набрал я номер своего помощника. — Еду я, да. Да тут... форс-мажор небольшой приключился. Не-не, все живы. Пока. Да шучу я. Да знаю, что ждут все. Еду, шас буду. Давай, пока.

Задумчиво забарабанил пальцами по рулю. Она ведь моя помощница. Мы работаем вместе. И что я теперь буду делать с этим? Как её терпеть рядом? Ладно, разберёмся.

Вздыхнул. Отметил про себя, что руки уже не так сильно трясутся, хотя всё ещё трясутся, завёл машину и выехал на дорогу.

До офиса доехал тоже на автомате.

— Марат Ильдарович, боже мой, что случилось? — вскочила на ноги испуганная моим видом Анна, едва я вошёл в приёмную. — На вас напали? Может, полицию вызвать?

— Не надо никого вызывать, — отмахнулся я. — Успокойтесь. Со мной всё в порядке. Жив, иду своими ногами. Это так, бытовая драма.

— Тогда, может, врача? — нервно заломила она руки.

— Со мной всё в порядке, — повторил я. — Лучше кофе с коньяком и Евгению отзовнитесь, что я на месте.

— Хорошо, — кивнула женщина. — Как скажете... Вы хотя бы ссадины обработали?

— Хотя бы обработал. Несите коньяк, — сказал я и ушёл в свой кабинет.

Дошёл до своего места и небрежно бросил папку на стол. Сел в кресло и подпёр голову рукой. Думать ни о чем, кроме того, что произошло, у меня не получалось. Понятия не имею, как я в таком состоянии доведу дела и поеду за детьми. Сегодня я отвезу их к родителям, пока дома... эта женщина.

Взгляд упал на фотографию в рамочке. На ней улыбалась своей соблазнительной улыбкой Багира. Красивая, счастливая. И я, такой же счастливый, её фотографировал во время нашего отпуска. Эта фотография была сделана там, на островах.

Внутри всё снова раскалилось добела. Руки сжались в кулаки.

Вот сука.

Схватил эту фотографию и что есть мочи швырнул о стену. Рамка треснула и местами разлетелась на осколки, усыпав ими ковер у стола. Фотография осталась торчать в перевёрнутой треснутой рамке. Ну, хотя бы не лицом ко мне. Не могу на неё смотреть.

— А я вам коньяк принесла.

Пришла Анна. Она нерешительно стояла в дверях, любуясь на разбитую рамку и повреждённое покрытие стен.

— Так неси, — рыкнул я.

Она прошла по кабинету и поставила передо мной поднос с алкоголем и горьким чёрным кофе.

— Где Евгений? — спросил её.

— Он будет скоро, — ответила секретарь. — Сказал, что по телефону какой-то важный клиент с ним общается.

— Понятно, — повернулся я к ней. — Анна, теперь вы можете стать моим постоянным секретарём. Что скажете?

— О, — удивилась она. — Спасибо, конечно, за предложение, но вы же знаете, что я могу только на подмене работать.

— Знаю, — вздохнул я. — Спросил, вдруг планы могли поменяться. Тогда нам нужен новый секретарь. Отошлите вакансию в агентство персонала.

— А как же ваша жена?

Опять начал закипать. Сука она, а не жена.

— Она тут больше не работает, — ответил я, стараясь держать себя в руках. Наши драмы её не касаются.

— А что случилось?

Я кинул на неё недовольный взгляд, и она стушевалась. А кто-то слишком любопытный и суёт свой нос не в своё дело. Даже лучше, что она не смогла работать на полный день.

— Неважно. Со мной она работать больше не будет, — сказал я.

— Но, позволю заметить, уволить её вы не сможете. В её договоре...

— Я знаю, что у неё в договоре, — рявкнул я, и она замолчала, испуганно глядя на меня. Она знает, что бывает, когда я злой. — Принесите мне этот договор.

— Да, конечно, сейчас. Схожу в отдел кадров сейчас же.

Она ушла, а я налил себе коньяка в бокал. На рабочем месте не пил уже давно. Но сегодня мне на всё плевать. Уже поднёс к губам стакан, как вспомнил одну деталь.

— Блядь, уже и выпить нельзя! — буркнул я и поставил его на поднос обратно.

Мне же детей забирать сегодня самому. Не на такси же их тащить. Привык, что ими занимается жена.

Прикрыл глаза от боли. Слово "жена" режет меня просто на куски, отдаёт такой болью, что хочется биться о стенку головой. Нет у меня теперь жены. Есть только разорванное в клочья сердце и пустая, вытряхнутая и вывернутая наизнанку душа. Очередной разваленный брак, очередное предательство.

Открыл глаза, когда услышал шаги по коридору. Вернулась Анна с документами на Ангелину в руках. Положила папку передо мной.

— Что-нибудь ещё? — спросила секретарь.

— Пока нет, — отозвался равнодушно я.

Только боги знают, чего мне стоит держать себя под контролем сейчас.

— Может быть, убрать осколки? — спросила она, оглядывая пол под ногами.

— Потом.

— Поняла.

— Тогда иди. И коньяк унеси.

— Хорошо.

Я забрал с подноса кофе и отдал его Анне. Она взяла его из моих рук и унесла прочь. Я же сосредоточился на папке. Рука так и застыла, удерживая её уголок, но всё ещё не открывая. На первой странице всегда фото сотрудника. Там есть и её фото. А мне так тяжело на неё смотреть... Набрал в себя воздуха, словно собрался не папку открывать, а нырять с трамплина, и открыл, быстро перелистнул дальше. Но всё равно мозг успел зацепить снова её красивое лицо на снимке.

Стерва. Как я тебя ненавижу. А утром так же сильно любил. А ты...

Дрянь, недостойная моего внимания.

Заставил себя сосредоточиться на пунктах договора. Строчки с большим трудом достигали моего сознания. Да, всё так. Я не могу её уволить просто так. Контракт ещё полгода дей-

ствует. Но могу перевести её на нижний этаж в самые обычные операционисты. Заодно глаза мозолить не будет. Пусть дорабатывает эти шесть месяцев там, а после катится на все четыре стороны.

Закрыв папку и небрежно бросил её на край стола. Она мне больше не нужна.

— Мара, можно? — просунул в дверь голову Женька.

— Давай заходи, — махнул я ему.

Он прошёл по ковру, озадаченно оглядывая осколки. Сел напротив меня и спросил:

— Чего это ты буянишь?

— Отвали, ясно?

— О-о... Тяжёлый случай.

— Отвали, говорю.

Евгений встал и подошёл к разбитой рамке. Перевернул.

— Жёну разбил? — повернулся он ко мне и поднял вверх брови. — Что такого могло случиться? Ты молиться на неё готов был.

Стиснул зубы крепче. Выливать свой гнев на помощника и друга — последнее дело. Он не виноват в этой ситуации.

— Давай мы не будем об этом говорить, хорошо?

— Да, хорошо, — пожал плечами мужчина. — Только у тебя на роже написано, что случилось что-то. Ты темнее тучи. Допекла, что ли? Или поссорились сильно?

— Если бы, — хмуро отозвался я, подпирая подбородок рукой.

— Может, расскажешь? — предложил он. — Тяжело всё в себе держать. Может, я чем помочь смог бы?

— Нет, — отказался я. Ещё я не плакался в жилетку друга. — Лучше насчёт контракта расскажи. Почему так резко они передумали с нами работать? Это удар под дых. Ты это понимаешь?

— Ох, Мара, — Жека удручённо покачал головой. — Просто взяли и отказались с нами работать в последний момент.

Да уж, верно говорят — беда не приходит одна. Это практически смерть компании. Нас и так уже почти поглотила другая фирма, но мы все ещё держались на плаву и могли бы ещё выйти из кризиса и отдать долги, вытащив фирму из залога, но без этого контракта нам просто не выжить. Это был последний шанс.

— И что ты думаешь по этому поводу?

— Я думаю, что кто-то тебя просто уничтожает, Марат.

— Это не новость уже.

— Не новость? — поднял брови вверх Женька. — То есть ты знаешь, что на тебя открыта охота?

— Ну, теперь я это понимаю.

— И даже знаешь, кто?

— Догадываюсь.

— А почему я узнаю об этом только сейчас? — нахмурился друг. — Ты разве не понимаешь, как это важно для бизнеса? Если кто-то хочет помешать, мы должны быть к этому готовы.

— Потому что я сам не так давно об этом узнал, — ответил я. — У меня не было точной информации.

— А теперь есть?

— Относительно да, — изогнул я одну бровь. — По крайней мере начинаю понимать, откуда ветер дует. Точнее, я и понимал, но не было в этом уверенности.

— Тогда надо как-то это разгребать, дружище, — развёл он руками. — И спасти твой бизнес. И моё рабочее место.

— Не беспокойся, — хмыкнул я. — Мы найдем себе работу. Встанем на биржу труда...

— Вот не начинай, — фыркнул Евгений. — Такой классной работы и такого классного начальника, как ты, у меня точно больше не будет.

— Жека, — отмахнулся я. — Сам не начинай, а то я так расплакаться могу. Столь прекрасные слова!

— Да ну тебя, я же серьёзно. Мне будет жаль, если ты не сможешь спасти свою компанию.

— Но пока она дышит, а значит, жива.

— Это так, — хмыкнул он. — Но что ты планируешь делать?

— Есть пара идей. Но об этом позже, — я зажало переносицу между указательным и большим пальцем, прикрыв на миг глаза. — Если честно, сегодня больше сил нет ни о чём думать. Везде какой-то треш творится... Я так торопился с этой папкой, а она теперь не нужна никому.

— Сожалею. Но знаешь, у меня тоже есть пара идей. Обсудим завтра?

Поднял голову на него. Евгений не только мой друг с некоторых пор, но и действительной мой толковый помощник. Может быть, вместе мы ещё вытащим моё дело из кризиса. Он будет стараться не меньше меня, ведь как он совершенно справедливо заметил, получает здесь отличную зарплату, намного выше, чем в других подобных организациях. Я готов платить ценным кадрам достойно.

— Да, договорились. А сегодня я, пожалуй, домой. Ещё детей с сада забрать...

— Ты как вообще? — взгляделся в меня Женька.

— Нормально. Живой.

— Если чем-то могу помочь — обращайся.

— Спасибо.

Женька вдруг обратил внимание на папку, лежащую на столе на самом краю. Взял её в руки и развернул.

— Дело Ангелины? — удивился он. — Зачем оно тебе?

— Смотрел условия договора.

— Для чего?

Господи, ну он как назло! Мне трудно о ней говорить. Но раз уж мы вместе работали, сказать всё же придётся то, что касается непосредственно дел офиса.

— Хочу её перевести на другой этаж. Она больше не будет моим помощником.

— Так всё серьёзно?

— Да, — нахмурился я. — Мы разводимся. Но я не буду об этом говорить.

Женька замолчал, в растерянности глядя то на меня, то на папку. Видимо, прикидывал, что такое могло случиться, что мы решили развестись. Решил я, но не суть важно. Но он прекрасно понимал, что откровенничать с ним я не намерен.

— Хочешь, я с ней поговорю? — негромко спросил он. — Она ведь хорошо ко мне относится. Как за подружку считает.

Да, и это всегда меня бесило, просто я молчал. Бесился, когда ему улыбалась или как-то оказывалась близко. Да, я ревновал её даже к своему другу, хоть и понимал, что она ничего себе не позволяла в моём присутствии такого, на что можно было злиться. Всё равно ревновал. Знаю, что Лина нравится Женьке. Мне ли не узнать мужика, который заглядывается на мою женщину. Но стоит отдать ему должное, Женя никогда не делал попыток сблизиться с ней, но мог позалипать на неё, когда Лина проходила мимо нас по кабинету. На неё в принципе смотрели и смотрят мужики. Не могу же я всем залепить глаза. А Женька смотрел без похоти, просто с восхищением, потому меня не задевало это настолько, чтобы набить ему морду и вышвырнуть вон.

— Не надо ни с кем говорить, — ответил я. — Это вопрос решённый.

— Ну, как скажешь. Тогда я поехал домой?

— Да, давай, — кивнул я.

Он ушёл, а я посидел еще пару минут, чтобы отойти от воспоминаний о ней, но у меня ничего не получалось. Всё в этом кабинете напоминало о ней: наша работа, моменты отдыха с кофе, даже неоднократный секс прямо на рабочем месте. Везде в этих стенах я вижу её. Мне будет тяжело это пережить, но выбора нет.

Заставил себя встать, закрыть кабинет и пойти на парковку. Дети ждут меня. Я заберу их сам. Няню решил не привлекать. Она тоже будет напоминать мне о Лине.

— Добрый день, — улыбнулась мне воспитатель частного детского сада. — А мы ждали сегодня маму.

Я и Алиса, которую я уже забрал из старшей группы, стояли в просторном холле младшей группы.

Чёрт, ну каждое напоминание о Лине как лезвием по нервам...

— Но приехал папа. Здравствуйте.

— Сейчас я приведу Арсюшу.

Спустя пару минут она вывела за руку сына. Я нахмурился. Мне он показался слишком бледным.

— Папа! — обрадовался ребёнок и бросился ко мне.

— Привет, сын, — обнял я хрупкое детское тело. А потом поднял глаза на воспитателя. — А почему он такой бледный?

— Вы знаете, я сейчас вам и сама хотела сказать: меня беспокоит состояние Арсения. Кажется, он может заболеть, — ответила женщина. — Он второй день какой-то вялый, а сегодня особенно. Плохо ел и много спал. Вы за ним понаблюдайте, пожалуйста. И если что — оставайтесь дома и вызовите врача.

— Хорошо, я вас понял, — кивнул я. Мама позаботится о малыше и будет держать меня в курсе дела. — Идём, сынок.

Усадил его на скамеечку. Присел рядом и снова взгляделся в лицо. Да, бледный слишком сильно. Скорее всего, завтра я не отправлю его в сад и обязательно вызову педиатра. Невольно отметил про себя, как сильно Арсений похож на Лину. Просто маленькая копия. Пухлые губы, огромные карие глаза и её тонкие, аристократические черты лица. Вот так мы поделили с ней детей: Алиса похожа больше на меня, а сын — на Лину.

Я помог ему переодеться и надеть куртку, застегнул пуговицы и взял мальчика за руку.

— Идёмте в машину.

Пристегнул обоих сорванцов на заднем сиденье, сел в машину сам и осторожно поехал по улицам города. Вскоре мы оказались во дворе дома родителей.

— Пап, а мы что, сегодня не домой? — спросил Лиса, узнав дом бабушки. До этого она спала и не видела, куда именно я поворачиваю, а сейчас сонно потирала глаза и оглядывалась по сторонам, удивилась тому, что я привёз их именно сюда.

— Да, сегодня останемся у бабушки.

— А мама? — спросил сын.

Он всегда о ней спрашивает. Он ещё маленький, а может, все мужчины в раннем детстве так привязаны к матери, но он и дня без неё провести не может. Как же я буду это всё объяснять детям? Решение о том, что они будут жить со мной, принято молниеносно. Вопрос теперь, как это всё исполнить и пережить на деле.

— Мама сегодня осталась дома, — ответил я ему.

— А почему она не поехала сюда, ко мне? — расстроился сын и опустил светловолосую голову.

— Так вышло, сынок. Так надо. Выгружаемся, вон нам уже бабушка из окна машет.

— Привет, — улыбнулась нам мама, когда мы все вошли в холл. — Привет, мои зайки! Она стала целовать детей, потом переключилась и на меня. Не очень люблю эти лобзания, но и на мать желание меня целовать нападает нечасто.

— А Лина где? Почему вы без неё?

— Она... не приедет сегодня.

Мама посмотрела на меня внимательнее.

— Почему это?

— Давай чуть позже, ма, — устало отмахнулся я. — Хочу есть, в душ, чертовски задолбался. Не на пороге же нам говорить! И не при детях.

— Хорошо, — кивнула она, но было очевидно, что разволновалась.

Как бы я ни хорохорился, по моим глазам, должно быть, видно, как сильно мне плохо. Мать такие моменты всегда видела. Не могла помочь зачастую, но она не слепая.

Я оставил детей матери, сходил в душ и переоделся в чистую футболку и джинсы. Выпил воды перед тем, как спуститься к ужину. Отметил про себя, что намеренно тяну время, когда кончится ужин и настанет пора говорить о ней, рассказать, что произошло. Не уверен, что могу сказать семье в лицо о предательстве Лины. Но о том, что мы разводимся и теперь моя жизнь и жизни детей кардинально изменятся, оповестить близких необходимо. Завтра же мой адвокат займётся этим вопросом. А ещё нужно найти няню, которая не напоминала бы о ней... Ведь заниматься детьми сам я не могу, а мама тоже не готова будет сидеть с ними сутками.

Всё же спустился вниз ко всем и хмуро поужинал. Мать и отчим наблюдали за мной весь вечер, бабушка же, как всегда, проявила заботу и не донимала меня взглядами. Но всё же разговора не избежать, особенно с бабулей. Она так любит Ангелину, она не даст нам просто так разойтись. Но что я могу сделать, если после нескольких лет брака Лина оказалась такой же, как и все? Разве моя вина в том, что я слишком её идеализировал, любил и поставил на свой личный пьедестал? Теперь же она с грохотом с него свалилась...

— Арсений, Лиса — пора идти отдыхать, — позвал я резвящихся детей, глянув на часы. Уже девять.

— Ну, па-а-ап... — тут же заканючила Лиса. — Можно ещё немного поиграть?

Арсений не просил ничего. Он понимал, что это бесполезно, в отличие от настырной Лиски. Но на всякий случай смотрел на меня жалобным щенячьим взглядом. Хитрец маленький...

— Нет, — отказал я, и лицо дочери тут же стало грустным. — Отдыхать очень важно. Завтра вы поиграете ещё.

— А завтра мы тоже останемся у бабушки?

— Пока не знаю, — я подтолкнул её вперёд к лестнице, ведущей на второй этаж в спальни, а сына взял за руку и повёл за собой. — Может быть.

— А мама придёт завтра? — спрашивала дочь, прыгая впереди меня по лестнице вверх.

— Мама! — захныкал сын, услышав о матери. — Где мама? Мама...

Тяжело вздохнул. И что им говорить на ночь глядя? Даже Лиска может начать рыдать и устраивать концерты, соскучившись по матери или разволновавшись. Мне нужно как-то убедить их лечь спать.

— Мама очень занята сейчас. Она решит вопросы и придёт.

Препятствовать их общению я не собираюсь, как бы трудно мне ни было. Но не сейчас. Я должен остыть, чтобы иметь возможность не срываться на неё при детях и позволить ей с ними видиться. На территории дома моей мамы они даже могут оставаться ночевать, но только когда меня тут нет. И нечасто. Но жить они будут со мной, это однозначно.

— Какие вопросы? — продолжала выпытывать у меня информацию о матери Алиса.

— Взрослые, зайка, — погладил я её тёмные кудри, которые выросли уже до талии. Маленькая красавица. И опять же напоминает свою мать. Как мне это тяжело... Видеть в них её. Раньше мне это приносило удовольствие. Такой был кайф видеть в детях её отражение, её частицу, знать, что в них течёт её кровь наполовину с моей. Теперь это же осознание несёт в себе огромную боль, жалящую в самое сердце. — Эти дела только для взрослых. Она обязательно придёт, обещаю.

— Ну, может быть, хотя бы можно позвонить ей?

Задумался. Мне будет реально хреново набрать её номер и услышать голос этой предательницы, но ради детей я готов наступить себе на горло. Пусть рвёт меня в куски, мои дети не должны так сильно страдать и плакать. Они привыкнут, что мы не живём все вместе, не сразу, но со временем примут. А пока им очень нужно знать, что мама никуда не делась.

Решил, что звонок можно устроить, но только не сегодня. Сегодня я к этому просто не готов.

— Завтра. Она уже спит.

Уложил сначала Лиску, потому что она ляжет спать гораздо быстрее. Сын же в этот момент продолжал обливаться слезами по матери.

Как же всё это трудно, чёрт возьми! Так и хочется позвонить ей, сказать, чтобы пришла, обняла мелкого и успокоила его. Только она это умеет – так приласкать, что все беды за пределами её нежных рук кажутся ерундой...

Привёл его во вторую детскую, сел на кровать и усадил мальчика к себе на колени.

— Сынок, — негромко говорил я, поглаживая его по спинке. — Я понимаю, что ты грустишь по маме. Я... тоже о ней грущу. Очень. Мне тоже сейчас знаешь как больно?

— Правда? — посмотрел ребёнок на меня. Его удивляет, что такому большому сильному отцу тоже бывает плохо и больно. А вот бывает...

— Разве я когда-то тебя обманывал?

— Нет...

— И сейчас я тоже этого не делаю. Я тоже её... люблю. Сильно. Но мы должны потерпеть и дождаться, когда мама сделает все дела и придёт. Ты понимаешь?

— Да...

— Мы должны быть сильными и терпеливо ждать. Потому что мы мужчины, и мы всё сделаем, как надо. Раз надо ждать — мы будем это делать. Это Алиска может плакать, она девчонка, а мы с тобой плакать не станем. Так ведь?

— Да, пап, — утёр он кулачками слёзы. — Я — мужчина. Я больше не буду плакать.

Будет. Ребёнок же... И завтра истерика будет круче. Но на сегодня я смог его уговорить не так сильно переживать. Завтра придётся организовать звонок ей, иначе дети сойдут с ума от переживаний. Сам не смогу, нужно подключать кого-то третьего.

— Ложись спать, сын, — снял я его с колен и расстелил его постель. — Утро вечера мудренее.

Я сводил его в уборную, умыл перед сном и помог улечься в кровать. Укрыл и заботливо подоткнул одеяло.

— Тебе удобно?

— Да, пап.

— Хорошо. Тогда спокойной ночи.

— А ты завтра тоже уйдёшь?

— Да, мне нужно на работу.

— Тебе всегда нужно на работу...

— Да, милый. Но такова жизнь. У меня сложная работа, которая требует много времени, но зато у нас всё есть, что нужно для хорошей жизни.

Он вяло улыбнулся. Понимаю, что ему не хватает общения со мной, но я никак не могу начать уделять меньше времени бизнесу. Только не сейчас, когда он на грани развала. Но я постараюсь. Ради них. Нужно будет компенсировать внимание матери, которого теперь станет намного меньше.

Сделал тусклый свет в ночнике у кровати сына и тихо ушёл, прикрыв за собой дверь. Спустился вниз и наткнулся на суровый взгляд бабули, сидящей у телевизора.

— Ну-ка иди сюда, Марат, — позвала она.

— Бабуль, ты чего не спишь так поздно? — спросил я её, сев в кресло напротив неё.

— Да какое, к чёртовой бабушке, спать! — возмутилась она. — Немедленно рассказывай, что у вас произошло. Лина никогда бы не бросила вас на весь вечер. Она приехала бы сюда даже после очень важных дел. Где она?

Сжал плотно губы. Как бы ни готовился, всё равно разговор застал врасплох. Не знаю я, что говорить. Мне пока ни с кем не хочется это обсуждать, но не могу же я игнорировать свою семью?

— Лина не приехала, потому что я ей запретил это делать.

— Что? — нахмурилась бабуля. — Запретил?

— Да.

— А ты кто у нас, Марат? Царь Иоанн? Нет?

Глаза бабушки сверкали праведным огнём. Она права, конечно, но это всё же моя семья и моя жена. Бывшая жена. С завтрашнего дня официально, а по факту уже сегодня. Она перестала быть моей женой, когда позволила ЕМУ залезть в её трусы.

— Нет, но я не желаю её видеть на одной со мной территории.

Бабушка явно разволновалась и нервно сложила руки вместе, а потом приложила сухие ладони к щекам. Твою мать, так и знал, что она начнёт переживать! Ну а как иначе? Не могу же я ей врать неделями, лишь бы ей плохо не стало? Я присел рядом с ней у дивана. Взял её тоненькую руку в свои.

— Тебе плохо, бабуль? Где твои лекарства?

— Плохо, Марат. Очень плохо.

— Какие принести, скажи?

Я уже собирался было подняться на ноги, чтобы принести необходимые ей капли или таблетки, но она твёрдой рукой удержала меня на месте.

— Не нужны мне таблетки, — негромко сказала она. — Мне внутри плохо. Душе моей плохо. Потому что плохо тебе, а значит, и ей. Чую я беду большую, вчера как предчувствовала,

всю ночь не спала. Расскажи мне, Марат. Не обманывай. Мне так легче будет, если я буду знать правду. Говори. Что ты натворил?

— Не я, — буркнул я.

А самому хоть садись на ковёр и рыдай. Бабушка как всегда тонко меня ощущает. Даже мама решила все разговоры отложить на завтра, не стала ждать меня, пока я нарочно долго укладывал детей. А бабуля ждала.

— А кто?

— Она.

— И что она сделала?

— Изменила, ба, — опустил я голову. Не хочу, чтобы она видела, какой в тот момент плясал сатана в моих глазах. Ярость. Злость. И огромная, безбрежная река боли.

— Ах! — тут же воскликнула она и дёрнулась так, словно её только что больно ударили.

Глаза округлились, взгляд застыл в одной точке. Ей чертовски больно. Так больно, что трудно вдохнуть. Прекрасно понимаю её состояние. Я сам только что это прошёл. Я не сразу кинулся на Марка, сначала я просто смотрел и не мог справиться с лавиной беспощадной боли, обрушившейся на меня её стонами. Лишь за то, что сейчас творится с бабулей, я прямо сейчас готов сам казнить, растерзать как зверь ту, которую мы оба так любили.

— Как же так, Марат? — спросила она побелевшими вдруг губами.

— Не знаю как, — пожал я плечами. В носу вдруг зашипало. Это так важно, когда кто-то готов взять часть твоего горя на себя и разделить его с тобой. Мне жаль, что бабушке приходится ощущать ЭТО, но один бы я просто поехал крышей... — Приехал днём за забытой папкой, она там трахается с Марком... Прости за грубые слова, не могу спокойно об этой дряни говорить!

Вскочил на ноги и заходил по гостиной, пытаюсь успокоиться. Новые вдохи и выдохи, новые шаги по ковру, но мне не легче. Я готов всё здесь рвать и швырять, орать во всю глотку и кататься по полу, настолько мне дерьмово!

Сука эта ваша любовь... Никогда больше на неё не поведусь. Я не впущу никого больше в свою жизнь. Ни за что на свете. Особенно – её.

— С Марком? — спросила бабушка и промокнула уголки глаз от слёз. — Но как же так? Она ведь тебя любила и выбрала тебя. Ушла от Марка к тебе, вышла замуж за тебя, родила твоих детей... Я не понимаю, неужели всё это было зря? Она могла быть с Марком ещё тогда. Так почему же она сделала это именно сейчас? Марат?

Она так спрашивала меня, словно я знаю ответы на эти вопросы. Не знаю, чёрт побери! К сожалению...

— Мне бы тоже очень хотелось бы это понять, бабуль, — вздохнул я. — Но на самом деле её ответы уже ничего не изменят. Она уже не сможет заставить меня изменить отношение к ней и забыть то, что я увидел. Понимаешь? Увидел сам. Своими глазами. Не кто-то там передал, когда ещё всё может оказаться брехнёй, а увидел лично сам. От этого вдвойне больно. Почему она? Почему?

Она заплакала и притянула мою голову к себе ближе. Прижала к себе и стала баюкать, словно я снова ребёнок, который разбил коленки на дороге, когда неловко и слишком быстро бежал, игнорируя крики бабушки об осторожности... Она гладила меня по волосам, стараясь успокоить тем самым и себя, и меня.

— Ничего. Мы переживём это. Справимся. Ты сильный. Ты сможешь это пережить. Ради детей. У вас есть дети. О них надо думать! Что ты решил делать, Марат?

— Развод.

— Понятно, — вздохнула бабушка после небольшой паузы. — А дети?

— Дети со мной останутся.

— Почему не с мамой? Детям Лина ничего никогда плохого не делала.

Я выпутался из рук бабушки. Посмотрел в её глаза так, чтобы она понимала, что решение я принял безоговорочное и менять его не намерен.

— Дети останутся со мной.

— Да? — сузила глаза бабушка. — А с кем же они будут? Ты ведь целыми днями на работе! Твоя мать сама чёртова кукушка, забыл? Она занималась только Марком, потому что родила от любимого мужика, который её не бросил, как твой отец-потаскун, прости Господи. И потому что морально была готова к ребёнку. А ты... Тебя бросила на меня. Ты хочешь доверить детей этой Лизке-кукушке? Она даже сейчас будет защищать своего любимца Марка, я больше чем уверена, в то время как я выпишу этого сучьего щенка из завещания завтра же!

— Выпишешь? — поднял я брови вверх. Почти всё имущество родителей по факту принадлежит бабуле... — Он ведь твой внук.

— Ты тоже. А говнюков спонсировать не планирую! Так с кем ты детей оставишь, Марат?

— С няней, — ответил я очевидное.

— Гениально, твою мать! У детей есть мама, но ты её собрался оградить от родных детей и подсунуть им няню?

— Они и так часто с няней. Лина ведь работает.

— Но вечерами малыши с мамой! Я слышала, как они уже сегодня плакали по ней. Ты хоть представляешь себе их состояние, и что каждый новый вечер будет еще хуже, малыши будут тосковать. Нельзя их лишать мамы.

— Ты мне что предлагаешь, бабуль? — начал закипать я и снова заходил по гостиной туда-сюда, засунув руки в карманы брюк. — Оставить детей ей, этой дряни?

— Прекрати оскорблять мать своих детей! — вскочила на ноги и бабушка. — Как бы она ни поступила с тобой, это ваши личные дела. Но она мать твоих детей! Тебе больно, я понимаю. Ты думаешь, не понимаю? Очень даже понимаю, я твоя бабка, я жизнь прожила и побольше твоего знаю! Тебе хреново, но детям ещё хуже. Ты о них подумай!

— Я только и делаю, что думаю о детях!

— А как ты собрался за ними ухаживать, если они заболеют, а? Кто с ними сидел, когда они болели, ну-ка скажи?

— Лина!

— Во-о-от! А будет сидеть теперь какая-то нянька?

— Но я ведь не запрещаю ей с ними видаться и общаться.

— Ещё бы ты, царь Иоанн, ей это запретил! Я бы тебя сама лично огромной палкой бы по горбу так отходила, что увидел бы небо в алмазах! Я не дам в обиду детей!

— Дети будут жить со мной, — твёрдо повторил я. — Точка.

Бабушка явно выдохлась и устала. Очень расстроилась. Без сил рухнула в кресло позади себя.

— А вот теперь мне плохо... Звони в «скорую»...

ГЛАВА 8.

АНГЕЛИНА.

Голова разрывалась на куски. Почему она так болит, словно с похмелья? Не помню, чтобы я пила вчера.

Открыла глаза и поняла, что они тоже болят, и в целом состояние оставляло желать лучшего. Я будто заболела. Меня даже знобило.

Оглядела себя. Сплю в белье, чулках и полураспахнутом халате. Очень странно, чего это меня отрубилло вдруг в таком виде? А зачем я так вырядилась?

Осмотрелась вокруг. Мне отчего-то сложно понять, утро или вечер.

Какой сейчас день? А времени сколько? Ничего не понимаю.

Взяла с тумбочки у кровати телефон и посмотрела время. Среда, семь утра. Рабочий день, но кажется, я не смогу выйти на работу. Нужно позвонить Марату и предупредить, что сегодня ему придётся обойтись без меня. Судя по всему, он уехал в офис рано утром, его вещей в комнате не было. Набрала номер, но на моё удивление никто не брал трубку. Ещё одна попытка дозвониться также не увенчалась успехом.

Раздражённо глянула на телефон, словно тот был во всём виноват.

— Ну и какого чёрта ты трубку не берёшь? — спросила я. — Телефон на что тебе? Блин.

Ладно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.